

*Сейнер РС-300 ведёт промысел
кошельковым неводом*

*Барк «Седов» на траверзе
Абрам-мыса в Кольской губе*

***Практикант Вовка Панин
в машинном отделении сейнера РС-1012***

Мурманские встречи Снова проводы

Вовке Панину с его твердым баллом средней проходимости, рабочая практика на Балтике или на Чёрном море не светила. Что поделаться?.. Ну, не любил Вовка ковыряться в учебниках, штудировать конспекты. А на крепкую тройку или даже на четвёрку ему хватало того, что случайно или не случайно успевало остаться у него на слуху после лекции преподавателя.

А между седым и солёным Каспием и Северным Ледовитым он выбрал последнее, при этом нисколько не жалея и не расстраиваясь.

«Чёрное море и его берега я достаточно облазил за два месяца учебной практики, а Балтика и Мурманск почти рядом, - тихо сам с собою рассуждал Вовка. – Так что Баренцево море с возможным выходом в Атлантику совсем неплохой вариант...»

Сашка Назыров рассуждал примерно также, к ним примкнули ещё трое ребят из двадцать восьмой группы, которые были самыми закоренелыми южанами, чем они и объяснили свое горячее желание посмотреть славные северные моря и берега с городом Мурманском.

А всего из роты механиков на суровый север напросилось ровно десять человек и примерно столько же из роты штурманов.

Федька Зюзиков – крепко сбитый парень, с густой твёрдой прической, родом из-под пыльных шахтерских терриконов близ Ростова. Он успешно тянул на красный диплом, упорно вдальбивая в себя той же шахтёрской кувалдой науку за наукой, запечатывая их в черепной коробке вагонными пломбами до нужного времени.

-Вот получу красный диплом, - разглагольствовал Федька, - и подамся на Дальний Восток. А пока будем привыкать к суровому климату...

-При чём тут климат? – спорили с ним. – Южный или северный.... Да мурманские пароходы ходят и в северную и в южную Атлантику... а дальневосточные и в Арктику, и в Индийский океан. Так что ещё неизвестно, где больше пригодиться твоя привычка к жаре и пыли...

-Да ладно...- миролюбиво соглашался отличник Федька. – Просто я хочу посмотреть весь наш земной шарик и чем скорее, тем лучше...

Толька Абрамов тоже из шахтёрского Новочеркасска. Он гораздо светлее обычного блондина, но до альбиноса всё же не дотягивает. В отличие от Федьки, его фигура чуть вытянута вверх и настолько же заужена в плечах. В своем строении попрактиковаться на севере он в полной мере соглашался со своим другом, как и пятый мурманчанин из Вовкиной группы - Валерка Туманов

Валерка тоже один из лучших учеников в группе. Но он был замечателен ещё и тем, что мог бесконечно долго травить байки о своих похождениях с девчонками, хотя Вовка встречал его с ними на набережной не так уж часто. Возможно, тот уходил со своими подружками в подполье, более надёжное, чем открытые для всех набережная и парк Горького.

Валерка имел настоящий римский профиль без перепоны, тонкие, почти незаметные, губы и упрямый подбородок. Ко всему этому плюс постоянно весело подвешенный язык, иногда исторгавший во все стороны десятки анекдотов на разные темы жизни попутно с байками о девчонках.

После черноморской практики Вовка ровно две недели пробыл дома в заслуженном отпуске, где по полной программе гульнул среди своих давних друзей, а в Ростовском аэропорту его встретил Сашка Назыров, который и сообщил, что мурманская группа через день отбывает на поезде.

-Я ещё никогда на столько времени не уезжал из Ростова, все-таки не меньше, чем полгода. Так что по этому поводу мать с отцом затевают парадное застолье, и я приглашаю вас с Федькой Зюзиковым...

Кто был бы против побыть последний вечерок в домашней обстановке!..

Сашкины родители, а вместе с ними и когда-то сам Сашка, жили в одном из окраинных районов Ростова - Военведе. За годы учебы Вовка бывал здесь не раз и не два, многие праздники он проводил в кругу Сашкиной семьи.

Где-то недалеко от уютного одноэтажного домика в окружении небольшого садика грохотал военный аэродром.

Самолеты чертили небо над домиком из края в край, громко стреляли своими выхлопами, иногда разбивались где-то в неведомых юдолях и тогда с кладбища доносились залпы воинских почестей.

-В детстве я сильно хотел быть летчиком и может, стал бы им, но когда мы переехали сюда, то эту мою мечту мать с отцом разными средствами выбили из моей головы напрочь, - признался как-то Сашка своему другу. – Даже на мореходку согласились, лишь бы я был подальше от самолетов с их... воинскими почестями.

-В море, и впрямь, никаких почестей...

-Типун тебе! – огрел Сашка Вовку по лбу.

В последний ростовский вечер перед практикой ребята расположились в красивой, почти игрушечной беседке, смастерённой лично Сашкой ещё до поступления в училище. Кроме родителей и младшей сестренки, Сашку провожали симпатичная бывшая одноклассница, с не менее симпатичной подружкой.

У Вовки еще совсем свежо в памяти расставание со Светой в Зеленогорске. Но он просто был вынужден уделить внимание незнакомой прежде Сашеньке, ведь хозяин расстался для Вовки с этим сюрпризом. Тем более, что Сашенька очень быстро призналась:

-Я сама попросила Сашку познакомить меня с тобой... я как-то видела тебя вместе с ним, и ты мне запомнился... запал, так сказать...

Вовка не очень-то этому удивился и теперь уже оказался накрепко привязан к своей новой знакомой. А, честно говоря, сначала он был совсем не против уступить её Фёдке Зюзикову, но не хотелось, кому бы то ни было, портить настроение в теплый летний вечер, над которым и без того парила грустная прощальная мелодия.

Отец, один к одному с Вовкиным, внушал Сашке, чтобы тот не лез куда не надо и куда не просят, мать всё больше молчала, то и дело взглядывая на своё чадо, которое на все сто было поглощено созерцанием своей притихшей девчонки.

В Ростове вечереет быстро и скоро родители ушли в дом, оставив молодежь среди чудесной южной темноты

-Володя, а у тебя есть девушка? – лепетала чуть захмелевшая и поэтому осмелевшая Сашенька.

-Есть, - сразу признался Вовка. – Только она очень далеко отсюда...

-Раз далеко, значит это преходяще, - неожиданно для Вовки выдала Сашенька. – Ничто так не убивает любовь, как расстояние...

-Ты это сама придумала или где-то в женских романах вычитала?

-Вообще-то прочитала, но вполне согласна... а разве не так?..

Конечно, и Вовка всё больше с этим соглашался. Права была и Надя в тот день, когда провожала его на учебную практику. Сбылись её слова о том, что у них в техникуме ожидается практика, и Наде тоже пришлось надолго уехать из Ростова.

Поэтому и Вовка не стал заезжать из Херсона в Ростов, а напрямик махнул самолётом на Москву, а оттуда в Зеленогорск. За время веселого круиза по Чёрному морю Вовка писал Наде в Ростов и даже одно письмо успел отправить в небольшой городок под Курском, где она проходила свою рабочую практику...

Но в Зеленогорске он вновь попал во власть неземного притяжения. Да, Света была в городе, её присутствие давило на Вовку и на улицах, где они столько раз гуляли вместе, и в комнатах родного домика, где было проведено столько памятных вечеров...

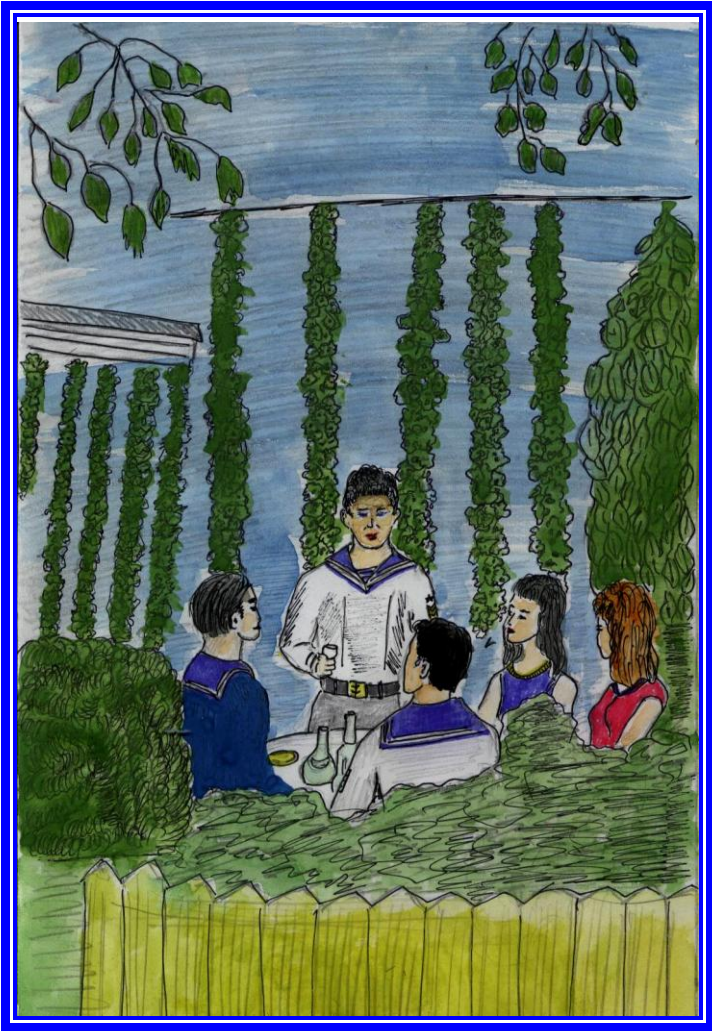
И он не выдержал и первым решил передать записку через Валечку, с которой у Шурки Иванчина дело очень уверенно шло к самой настоящей свадьбе.

Встреча состоялась. Но всё уже было не так, как раньше... не было той остроты волнения, что в прежние отпуска. И первая, и последующие встречи, а за ними и расставание были какими-то вялотекущими и больше смахивали на обязательку с обеих сторон.

Кто был в этом виноват?.. Нет, не Вовка. Он любил свою Светулю, несмотря на мимолетные ростовские знакомства, более того, эти проходящие девчонки всё больше и больше убеждали его в том, что лучше Светика нет никого на свете и больше никогда не будет...

Но трещина возникла, было и письмо от Шурки.... А разве этого мало, чтобы всё кончилось враз, и ухнуло в глубоко разрастающуюся пропасть?..

«Но разве красивая девчонка не может сходить с компанией в кино или даже на танцы? – пытался утешить себя Вовка. – Разве у меня в Ростове совсем нет никого?..»

В то же время он был твердо убежден, что настоящий парень всегда может позволить себе лёгкий флирт без глубоких последствий, в чем решительно отказывал прекрасной половине...

Так и простился Вовка со Светой только через легкий поцелуй в щечку.... А всего через три дня внезапно новая знакомая в садике Сашки Назырова, которая, конечно же, права, ко времени вспомнив чей-то афоризм.

Но обо всем этом Вовка не стал рассказывать за вечерним столиком. О Наде тоже...

Прощальный вечер затянулся, да и спешить в этот раз мореходам было некуда - вечерней поверки к отбою не обещалось.

Федька Зюзиков все-таки уехал. Ребята проводили его до автобуса, а потом долго гуляли по засыпающему Ростову и снова вернулись в гостеприимную Сашкину беседку.

Тесное общение при посредничестве хорошего вина и фруктов располагает на взаимные подвиги, к тому же предстоящая длинная дорога, а за ней взрослая неизвестность, только способствовали взаимному притяжению. Время пролетело быстро...

Утром Сашка с помощью матери плотно набил домашней снедью безразмерную сумку, родители проводили друзей до перекрестка. Девчонки очень хотели проводить мореходов до поезда, но Сашка упрямо пророкотал, никуда не глядя:

-До отправления поезда всех курсантов еще полдня, а то и больше будут инструктировать, учить уму р-разуму...

-В самом деле, - добавил Вовка, - где вы будете торчать, пока мы будем набираться командирских советов на полгода вперед?..

-Мы все равно узнаем, когда ваш поезд на Мурманск и к этому времени приедем на вокзал, - настойчиво тряхнула светлой чёлкой Сашенька.

-Ладно, приезжайте... мы разве против....

Друзья зря сгущали краски. Никто их особенно-то не воспитывал и в актовом зале роту механиков, и роту штурманов продержали всего полчаса. Да и только для того, чтобы ещё раз уточнить, кто куда едет, каким транспортом, и в какое время.

Вовка с Сашкой узнали, что их поезд отправляется через четыре часа, и что сопровождающим группу до Мур-

манска назначен их ротный командир Николай Семенович Кислов.

-Ну вот... зря ты девчонок отпугнул – могли бы ещё погулять напоследок по набережной, а потом и на поезд...

-Да не люблю я эти провожания-расставания, - заартачился Сашка.

-Если не считать учебную практику, то тебя, по-моему, вообще в первый раз, куда бы то ни было, провожают. Насмотрелся фильмов...

-Да брось ты... просто Танька невероятная слезокапка, а я не хочу, чтобы она при всех мокроту разводила...

Курсанты чуть ли не впервые гурьбой валили из Главного корпуса по своим экипажам мимо одно-двухэтажных домиков ещё старинной постройки. Старушки возле подъездов и высоких ворот с удивлением взирали на беспорядочную черно-белую толпу.

Они привыкли, что мимо них моряки всегда ходят строем в сопровождении громкоголосых старшин, да и сами курсанты сегодня немного удивлялись своему поведению вразброд.

Когда-то улица Обороны была вымощена булыжником, потом её залили тонким слоем асфальта. Да куда там асфальту до булыжника?!.. Во многих местах гладкие окатыши снова матово блестят, выпирая из-под асфальта.

Булыжные пятна на глазах разрастаются, а вековые деревья на тротуарах, словно в союзе с камнем, тоже своими могучими корнями выпирают из асфальта, размякшего под жаркими лучами июньского солнца.

Да... как ни крути, а снова пройтись по этому булыжнику вперемешку с остатками асфальта, выйдет почти через год. До января практика, а там зима, хоть и южная, но все равно до апреля. Вот и выходит полный год...

-Ну, что будем делать? – первым задумался Сашка, когда ребята не спеша поднялись в свой кубрик на третьем этаже. – Добираться до Военведа целый час, туда-сюда получается два, да еще там можем их не застать – наверняка бродят где-нибудь по городу...

Сомнения разрешил Серёга Житников, с ним Мишка Романов и Сашка Дьяков.

-Пошли на набережную!.. Вы что, без отходной хотите обойтись?!.. Всем кубриком в «Донскую волну» - у всех времени ещё навалом!..

Это было самое лучшее и единственное предложение. За три года учёбы курсанты впервые разбегались в разные стороны так надолго. Вся «Донская волна» оккупирована чёрно-белым цветом, но многие курсанты уже обрядились в гражданку, и среди белых голландок выглядели чужаками.

Но есть Бог на свете!..

-А вот и они... - отвалил Сашка подбородок. – Я же сказал, что они по городу шляются...

-А мы ещё с Будённовского увидели что в «Донской волне» одни курсанты и сразу сюда! – шумно радовалась Сашенька.

-Вот, оказывается, где вас инструктируют о предстоящей практике! – совсем серьёзно обиделась строгая Танечка – Сашкина одноклассница. - Так бы и сказали, что в кафе будете праздновать...

Сашка принялся изо всех сил успокаивать свою слезокапку. Таня, наконец, тоже заулыбалась, им расчистили места, и вчерашний прощальный вечер с небольшим перерывом перешел в прощальный день.

По столикам вдруг зашелестело: «Руслан»! «Руслан» швартуется к набережной!..

Кто так красиво придумал или так счастливо совпало, но белоснежный «Руслан» – учебное судно Вовкиной мореходки, швартовалось к набережной чуть ниже «Донской волны». Курсанты вмиг побросали свои столики и громогласным «ур-ра» приветствовали свое родное судно.

-Эх, где теперь наш «Георгий Седов»? – взгрустнули Вовка с Сашкой. – Неплохо было бы и на него глянуть...

Но учебные суда все были точной копией и курсанты на минутку спускались в кубрики, смотрели на «свои койки», опустевшие теперь до новых практикантов.

-Вот в таком кубрике и мы проплавали по Чёрному морю целых два месяца, - рассказывали ребята притихшим девчонкам, которых по такому случаю тоже допустили на экскурсию по палубе и кубрикам.

-А я слышала, что настоящие моряки по морям и океанам ходят, а не плавают, - все-таки высказалась Сашенька, несмотря на торжественность момента. – А вы вот говорите, что плавали...

-Вообще-то ты права, но не совсем... моряки по морям, как и по суше, действительно ходят, но уходят они всё же в плавание, - как мог, объяснил Вовка. – Так что, если ещё

кто будет в этом духе тебе вешать лапшу на уши, то считай его самой распоследней салагой и пижоном...

Между разговорами курсанты наперебой угощали судовую команду, особенно ребята из двадцать седьмой группы, которым выпало быть на этом судне во время учебной практики. Некоторые из команды отхлебывали, но очень деликатно – служба все-таки, да и старпом вездесущ...

И все же атмосфера праздника окутала и учебное судно от киля под теплой и ласковой донской волной, до самого клотика, чуть качавшегося на фоне ярко-синего южного неба...

Но праздник только тот хорош, который вовремя кончается. Вовка не сразу, но заметил, что сначала на «Руслане» и вокруг него, а потом и в «Донской волне» становится все меньше и меньше курсантской братвы.

Из утреннего сообщения в актовом зале было известно, что многие группы практикантов отправляются по своим морям и океанам раньше мурманских.

Скоро пришла пора и мурманским двигать в экипаж, где их уже нетерпеливо поджидал Николай Семенович. Он ещё раз пересчитал своих подопечных поголовно, а потом посписочно, и маленькая группа, попрощавшись с экипажем, и в сопровождении еще меньшего числа провожающих, зашагала на Ростовский вокзал.

Проводы были недолгими. Танечка крепилась изо всех сил, видно, Сашка строго предупредил её, а Сашенька и во все была в отличном настроении. Да разве это дело: вчера познакомиться, а сегодня уже переживать сверх себя?.. Правила приличия и морская этика требовали выдержки. Вовка чмокнул Сашеньку в теплую щёчку, и раньше Сашки заскочил в покотившийся вагон.

-Слава Богу - обошлось... - запрыгнул и Сашка секундами позже. – Скорее всего, тебя застеснялась...

-Пусть бы и всплакнула немножко... тоже мне - придумал конец света.

-Да у меня мороз по коже, если рядом девчонка или женщина плачет...

-То-то натерпишься, если твоя будущая жена раскусит твою натуру

-Я думаю, что со временем этот бзик у меня пройдет.

А Вовка подумал, что, вряд ли будет лучше, если со временем к Сашке придет равнодушие к женским или вообще

чьим либо слезам, но не стал дальше продолжать этот разговор.

-Пошли в вагон что ли, – хлопнул Вовка Сашку, когда они выкурили по одной длинной сигарете. Вовка иногда курил, но только за компанию или под стук колес в дальней дороге. Сегодня оба этих условия совпали...

На север!..

Два с половиной месяца назад, в пути до Херсона, курсанты занимали полный вагон под пробку (моряки говорят «под жвак»), а сегодня едва ли четвертую или даже пятую часть. Ещё в экипаже Вовка с Сашкой вытянули себе места на боковых полках и теперь уселись друг против друга...

А между тем в курсантской части вагона уже тихо тренькала гитара, тонко и грубо звякали стаканы, полились застольные речи.

-Эй!.. И долго мы ещё будем в окна пялиться? – подскочил Валерка Туманов, будто его шилом в задницу кольнули. – Хавка имеет два основных свойства: исчезать и пропадать!.. Так пусть она лучше исчезнет в наших желудках, чем пропадёт ни за грош за окном вагона...

Сказано - сделано... Чего только не стали вываливать на стол хлебосольные южане: от всяких птичек и рыб в разных видах, до обилия фруктов и ягод тоже в разных видах... а к этому ещё всевозможные прилагательные.

-Стой-стой! – первым опомнился Федька Зюзиков. – Куда же всю эту прорву девать?.. Если даже у всех нас ноги пустые - все равно не уйдет!..

Федька на этот раз без всякого жребия взял на себя обязанности заведующего продовольствием и вполне успешно справлялся с ними до самого Мурманска. А пока он начал со своих сумок:

-Мне ещё вчера привезли все это, а вы сегодня затарились...

В гости к механикам заглянул Женька Фролов – штурманец, с которым Вовке Панину как-то пришлось приударить за девчонками из одной компании. Тогда они почти два месяца все увольнения проводили вместе.

-Мичману Панину особый привет... всем остальным тоже...

Женька, да и другие ребята, часто так обзывали Вовку, и нельзя сказать, чтобы это Вовке совсем не нравилось.

-Проходи, присаживайся, - подвинулись механики. – Только пока хороший тост не скажешь - не нальём...

За Женькой не заржавело:

-Пусть во веки веков крепнет и без того нерушимая дружба между судовыми чертями - маслопупами и интеллигентной прослойкой – штурманами! – громко дунул в пока пустой стакан Женька.

-То-то и оно, что прослойка, - сурово прогудел Федька, наливая в стакан креплёного.

И начался извечный курсантский спор о том, кто же на судне несёт на себе более значительную роль - штурмана или механики?.. Ясное дело – машина должна выполнять все команды из рубки, но в экстремальных случаях сможет ли штурманская команда обойтись без механиков или наоборот механики без штурманов?..

-Да что тут судачить?! – зашумел чуть захмелевший Женька. – Капитан, а вместе с ним и штурмана, на любом судне командиры, а ваше дело все наши команды исполнять точно и в срок!.. Мы на судне голова, а вы ноги...

-Кто спорит, что голова судна в рубке? – подключился Вовка. – Но только механики не просто ноги, но и всё остальное туловище вместе с руками, ногами, легкими и сердцем, а также кровеносной и нервной системой. А головной мозг без крови и нервов, иначе говоря, без электричества, которое вырабатывается в машине, умрёт в сей же момент.

-Вот, скажи - как ты без электричества и без всяких своих приборов доведешь судно хотя бы до ближайшего порта? – поддержал Сашка Назыров своего друга.

-Ха!.. А как наши предки тысячи лет ходили по морям и океанам? Ясное дело - по звездам! – торжествовал будущий штурман Женька Фролов.

-А если у тебя, как ты выражаешься, ноги откажут?.. Ты со своими штурманами сумеешь с машиной разобраться без механиков?..

-Парус поставлю и пойду, - не сдавался Женька.

-Положим, на большой траулер никакой парус не поставишь, разве что на сейнеришко, а то и вовсе на фелюгу.

-Ну а вы, маслопупы, без штурманов что в рубке будете делать?..

-Что-что?.. Носом на волну и будем штормовать, если непогода...

-А дальше, если не перевернетесь?..

-А дальше что?.. Дальше прямым курсом, пока не появится земля, а потом вдоль берега в любую сторону - наверняка, на какой-нибудь порт выйдем...

-На камни вы выйдете и потонете, как слепые котята...

-Дураки мы что ли?.. Мы близко к берегу подходить не будем, а как откроется порт, то сразу на якорь, спускаем шлюпку и за лоцманом.... Так как?.. Штурмана или механики более жизнеспособные на судне?..

-Фигня всё это! И только потому, что желанной для вас ситуации в море практически не случается! - так и не признал свое поражение Женька. - Давайте-ка лучше ещё раз выпьем за мой красивый первый тост...

Все согласились, но механики были явно больше удовлетворены исходом дискуссии о пользе штурманов и механиков на морях и океанах.

-И все-таки Женька-штурман прав в главном, - пошел на лёгкий компромисс дипломат Вовка. - В море, прежде всего, важно чтобы побеждала дружба и взаимовыручка и нечего нам делить...

С этим тоже все согласились и приняли за очередной тост.

Когда пить и есть стало больше некуда, все постепенно переместились к вагонному отсеку с гитарой. Один из штурманов явно на уровне профессионала перебирал струны, и скоро весёлая песня покатилась по всем закоулкам вагона. Николай Семенович остановил курсантов только перед отходом ко сну всего вагона...

Поезд летел через ночь, вычерчивая почти прямую линию от горячей и буйной южной природы к прохладному и спокойному северу, где как раз сейчас был самый пик белых ночей.

Сашка, да и другие южане, до сих пор раскатывали между станциями только на пригородных автобусах, поэтому в перерывах между застольями и сном, почти безотрывно пялились в большие вагонные окна и открывали для себя среднюю полосу. А потом и самый север необъятной страны, которая сама толком не знает, для чего ей такие просторы и что с ними делать....

В Карелию проскочили где-то между Москвой и Ленинградом. Тут и Вовка разинул рот до края. Куда там лесам и перелескам из Вовкиного детства с речкой Шешмой и Карабашом до великого раздолья таёжного края с лесами, наступающими плотной стеной прямо на вагоны.

Но сплошная зеленая стена вдруг резко расступается и вот они - огромные карельские озёра!.. Как всё же иные песни точно отображают действительность, и Вовке в голову сразу пришла строчка: «...остроконечных елей ресницы над голубыми глазами озёр...» Захочешь сказать точнее, да не сможешь...

Порой озёра настолько велики, что кажутся безбрежными. Но при этом на водной глади не заметны какие-либо судёнышки, ничего не тревожит их вечный покой. И только редкая рыбацкая лодочка мелкой соринкой иногда промелькнет на бесконечной водной равнине и снова чисто...

Рядом Сашка Назыров и начальник продовольствия Федька Зюзиков рассчитывали паёк к очередному ужину

-Не жадничай, а то разжалуем, - с чего-то недоволен Сашка... - Нечего в Мурманск добро везти...

А Вовка, как всегда, думал:

«Что, если и здесь найдут нефть?.. Неужели и по этим чудо - лесам пойдут крест-накрест безобразные просеки от буровой к буровой, от столба к столбу?.. А вода из этих глазастых озёр пойдет на охлаждение всяких там технологических процессов и на закачку в подземные пласты?.. Эх!.. Да какие тут могут быть вопросы?!.. Не дай Бог найдут - и все будет...»

И просеки будут, и ели эти густо зеленые на табуретки, и спички пойдут, и чистая вода уйдёт из озёр, а остатки её закроются радужной и мертвой плёнкой...

Зато веселее побегут по русским колдобинам и европейскому асфальту «ЗИЛы», «ГАЗы», «Мазды», «Мерседесы», «Жигули», оставляя за собой все больше и больше удушливой гари...»

-Вовка!.. Ты чего это упёрся куда-то и молчишь?.. Мечтаешь, как бы скорее на хороший пароход попасть и ту-ту в море?..

-А что?.. И помечтать нельзя? А мечтаю я не о том, что ты думаешь. Вот бы в этих местах построить терем-теремок на берегу любого озера, занять хороший катер-катерок и жить-поживать, да добра наживать...

-А кто тебе мешает? Вот кончишь мореходку, станешь работать в море, дорастёшь до главного механика супербазы, будешь зарабатывать кучу денег. Вот тогда и настанет самое время сбыться твоей сегодняшней мечте.

-Ну, спасибо, Саша... как оказывается всё просто - я так и сделаю...

Первые дни

Мурманский железнодорожный вокзал стоит на самом берегу Кольской губы. Мореходы кувырком высыпались из вагона. Николай Семёнович и здесь додумался пересчитать наличный состав, будто кто-то мог остаться в вагоне или прыгнуть от нечего делать на ходу.

На вокзальных часах было утро, но перед этим утром ночи не было. Последняя тёмная ночь, как ей быть положено, кончилась где - то на излёте Брянского партизанского края.

От вокзала поднялись на высокую прибрежную кручу Кольской губы. За спиной раскинулся самый северный город России, а под кручей, куда хватало глаз, причалы, порталные краны, портовые постройки и, конечно же, пароходы – вожделённая мечта наших мореходов.

Пароходы¹ были самые разные и по величине и по наружности - от махонького сейнера и среднего траулера, до гигантских супертраулеров и могучих плавбаз.

На другой стороне тихой губы небольшой посёлок, облепивший своими домиками противоположную кручу, под которой тоже причалы и тоже суда. Но в основном они небольшие и стоят они там, похоже, на ремонте или профилактике, так как среди них, словно пчеломатка, возвышается плавмастерская «Фреза».

Между обоими берегами туда-сюда бегают речные трамвайчики. В Ростове точно такие же трамвайчики вечерами зазывают гуляющий народ на прогулку по Дону. Вовка заметил, что трамвайчики один за другим швартуются к свайному причалу, вытянутому далеко в воду прямо от железнодорожного вокзала.

Николай Семенович не дал долго любоваться Кольским пейзажем. Минут десять он у кого-то выяснял, как найти управление Беломорской базы Гослова, а, появившись, уверенно повел своих подопечных курсантов - мореходов прямо по курсу.

Минут через двадцать кривая вывела ростовчан к двухэтажной постройке с красивой доской, на которой значилось название именно того управления, что им и было нужно.

И началось... «Великое сидение». Командир бегал с папкой по этажам (Слава Богу, что их всего два), открывал

¹ Пароход – на морском сленге любое судно, независимо от типа и назначения

пинками разные кабинеты по несколько раз в день, где-то с кем-то ругался вдрызг, куда-то названивал...

Но дело с расписанием практикантов по судам двигалось настолько туго, что за первые два дня направления матросами получили только двое из штурманов, а с механиками и вовсе глухо.

Оно и понятно: ведь мотористов на всех судах от мала до велика всегда меньше, чем матросов. А на сейнере или траулере, которыми укомплектована база Гослова, и всего-то по одному мотористу.

И все-таки ребята пока не унывали.

-Ничего, мы этот Гослов на измор возьмём, сами за нами станут бегать...

А вечером первого дня (про вечер опять-таки условно - светло, как днём) Вовка с Сашкой и Валерка Туманов заселились в величественный дом междурейсового отдыха, силуэт которого и в самом деле на первый взгляд напоминал главное здание Московского университета. Всего за шестьдесят копеек с носа им предоставили шикарный трёхместный номер, в котором был даже санузел с ванной!..

Впервые в жизни Вовка, как истинный аристократ, принял ванну, но и на этот счёт у него сразу же появилось своё мнение:

-Подумаешь, ванна... чего такого хорошего - в собственной же грязи полоскаться?.. Ладно, если в своей, а то и вовсе... хорошо хоть душ есть.

-Не скажи, - сразу отозвался житель города Армавира Валерка, - разве плохо бултыхаться в какой хочешь тепленькой водичке.

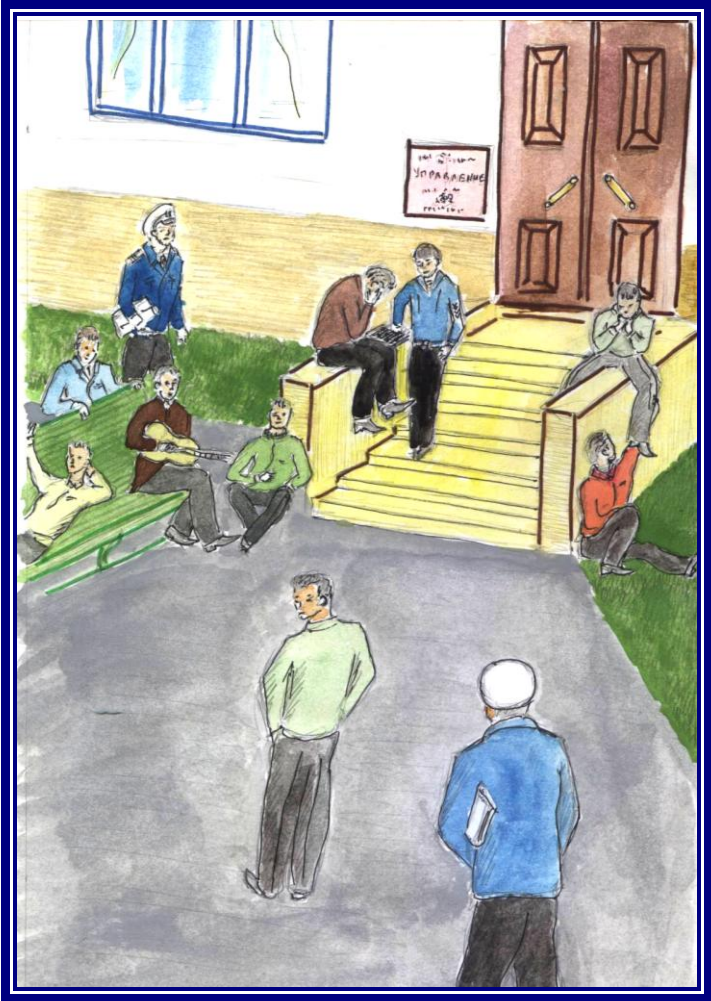
-И все равно - лучше нет обыкновенной бани и обязательно с парной и душем, а еще лучше, когда запруда рядом с банькой или сугроб со снегом...

-Бр-р-р, - поёжился южный человек Туманов. - Пусть будет так - тебя не переспоришь...

Когда все смыли с себя дорожную грязь и еще ростовские грешки, то дружно завалились прикорнуть на свежих простынях с байковыми одеялами.

Федька с Толькой Абрамовым остановились у чьих-то родственников, но в первый же вечер наведались в гости. Долго тарабанили в дверь.

-Ловко вы тут устроились, - басил Федька, заглядывая в ванну и унитаз, - а мы на птичьих правах, зато на домашних харчах.

— А вам кто мешает по нашему примеру?..

— Никто. Но мы себе на уме, да и родственники могут обидеться.

Первый день в городе на самом краешке земли надо бы обязательно отпраздновать, даже если завтра с утра в контору... Через полчаса Федька с Сашкой приволокли из местного богатого буфета целую сумку всякого добра...

— Пока у нас всё складывается удачно. Я имею в виду наш роскошный номер, - первым взял слово Туманов. — Пусть же и дальше у нас всё будет примерно также...

— Хорошо всё время не бывает, - перебил Вовка ростовского соловья, - поэтому надо быть готовыми ко всему.

— Да что ты, Вовка, настроение портишь?.. Раньше вроде бы такого за тобой не замечалось, - удивился Сашка Назыров.

— Я вам не предвещаю землетрясение или цунами, но сколько нам придется торчать на берегу без пароходов?..

— Рано или поздно - всё равно получим пароходы и уйдём в море! - глухо буркнул Валерка, которому надоела пустая перепалка, и он первым принялся за обильное угощение. Все тут же его поддержали.

— В настоящее время в Беломорском Гослове больших траулеров нет. Только сейнеры и средние траулеры типа нашего «Руслана», притом сейнеров большинство, - начал выдавать информацию Федька, который днем почти всё время сопровождал Николая Семёновича из кабинета в кабинет. — Сейнеры в Баренцевом промышляют, в основном, вдоль бережка. А траулеры и в Атлантику ходят, но только новые, а их в базе раз-два и...

— Вот вам и на пожалуйте, - поник на сей раз уже Сашка. — Так можно и до конца практики на берегу проторчать и без никакого плавценза...

Но кто-то вспомнил анекдот, кто-то свою ростовскую девчонку, а кто-то прямо в окно увидел в белую ночь стройные ножки... И всё выше поднималось настроение, тем звонче становилось за круглым гостиничным столом, тем шире и веселее становились речи и улыбки...

— А на дворе-то какая красотища! — высунулся в широко открытое окно Валерка. — Хватит в келье заседать — пошли на улицу!..

На широкой и прямой мурманской улице, куда через пяток минут вырулили ростовчане, конечно же, не было многоголовой и разноцветной декоративной растительности, как на

южных берегах Чёрного моря, да и в самом Ростове. Кроны здешних деревьев, казалось, совсем не дают тени, да и откуда ей взяться, если и солнца-то не было видно.

-Ты смотри-ка... одиннадцать часов, а вокруг нет и намёка на ночное время, - шумно и наперебой удивлялись ребята, шагая то ли на север, то ли на юг, а то ли сразу на восток и запад. – И народу почему-то не очень много...

-Здешний народ к этому делу привычный – им завтра в семь или в восемь на работу вкалывать.... Вот и бродят по белым ночам шантрапа праздная, да такие вахлаки, как мы.

За разговорами очень скоро вышли на небольшую площадь. Оглядевшись, ребята увидели, что в эту площадь врезается сразу пять улиц, да и сама она была какая-то пятиугольная. Позже ребята узнали, что площадь эта и в самом деле называется Пять углов.

-Давайте-ка, заберёмся куда-нибудь повыше, - предложил Вовка, - может. Северный полюс увидим

-Северный полюс отсюда не видать, - стал популярно объяснять Вовке географию Валерка Туманов. – Но и без полюса посидеть в скалах, да на самой верхотуре очень даже этично, романтично и поэтично, - неожиданно даже для самого себя ударился в стих Туманов.

Что-нибудь похожее на Эльбрус или Фудзияму поблизости обнаружено не было, поэтому совершить восхождение пришлось на небольшую сопочку. Но и этой высоты хватило для того, чтобы кинуть взгляд до самого устья Кольской губы, в сторону которого медленно двигался какой-то суперлайнер, оставляя за собой лишь белый хвостик от работающих винтов.

-Так что, если я не ошибаюсь, там и есть Баренцево море, а с ним, значит, и Северный Ледовитый океан, а дальше и Северный полюс... - снова воспел Туманов...

-Вот занесло, так занесло, - притворно скис Сашка Назыров. – А совсем скоро, если повезёт, и мы выйдем за эти морские ворота и двинем кто куда на разных пароходах...

Ребята привольно разлеглись на густой и мягкой моховой подстилке. Мох был настолько густым, что из него запросто можно было бы нарезать готовые зелёные матрасы – их разве что надо обернуть тканью в полоску и кайфуй на здоровые долгие годы. Вот только сказочного аромата южных трав с песнями всяких летающих и ползающих малявок здесь не было. Но и в тишине, если она окружена таким непривычным северным привольем, есть свое притяжение.

-И в самом деле никакого полюса, а тем более Папанина*, - закручинился Вовка. – Но на такой природе, да ещё в таком месте хорошо с девчонкой заседать....

-Ничего, ещё не вечер, и вообще он наступит теперь очень нескоро, - заверил Сашка друга. – Примерно через полгода. А там и девчонка вдруг появится.

-Спасибо на добром слове... век не забуду.
Спалось на новом месте лучше некуда.

Совещание

А назавтра снова тягостная толкотня в коридорах управления в ожидании, когда откроется заветное окошечко отдела кадров и оттуда певуче разнесётся:

-Есть одна вакансия матроса на СРТ, плановый выход в море через месяц...

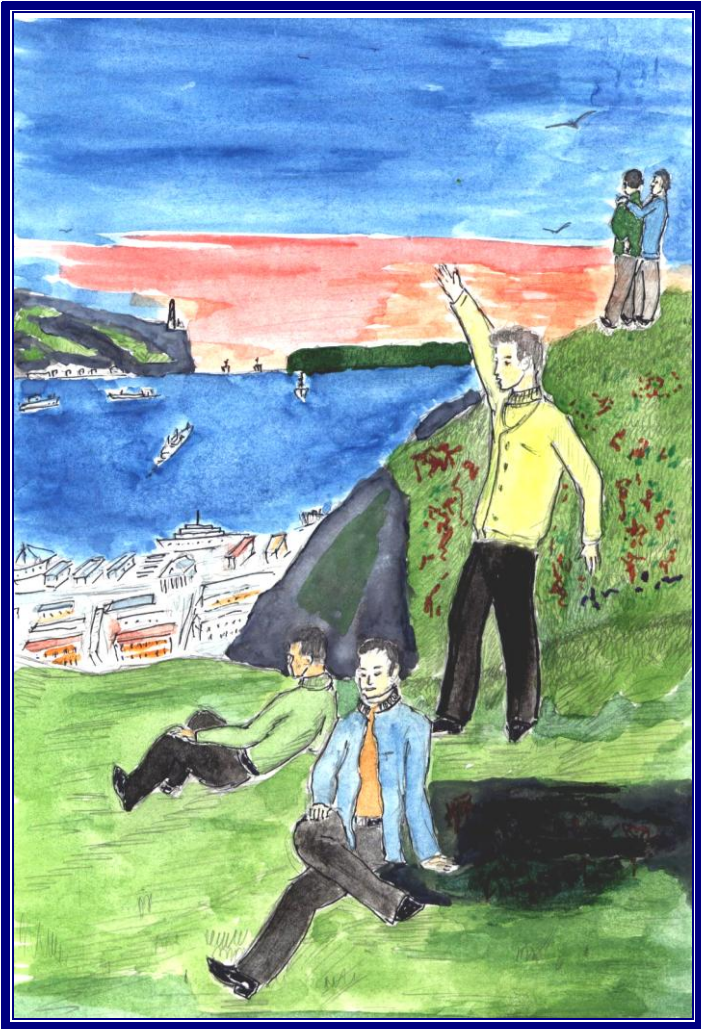
-Всего-то через месяц!.. Разве это плохо.... И штурмана тянут жребий. Но за первые два дня, как уже было сказано, направления получили только два будущих штурмана. На рынке механиков спрос пока полностью отсутствовал.

С утра третьего дня ростовских практикантов завели в небольшой красный уголок, и перед ними взял слово сам зам начальника по кадрам – круглолицый дядька в синем кителе с жёстким стоячим воротником.

-Я понимаю, что трудности с количеством промысловых судов в нашем управлении вам до лампочки, но всё-таки я постараюсь известить вас о ваших перспективах, - начал прокуренным голосом кадровик. - Частично дело в том, что для северян, которые предпочитают период созревания южных фруктов, а также бархатный сезон, время летних отпусков ещё не наступило. Через месяц-полтора вы были бы нарасхват.... Но, понятное дело, что у вас тоже время строго ограничено и всем вам нужно успеть сделать хотя бы по одному полновесному рейсу. И на этот счёт у руководства управлением есть кое-какие соображения...

Поначалу напрягшиеся ростовчане, ожидавшие, что несимпатичный с виду толстячок с лысой, как колено, головой, начнёт только жаловаться на трудности и оправдываться, а потом и вообще закроет все окошки. Но с последними словами кадровика чуть воспряли, и начали переглядываться и перешёптываться:

* Папанин – полярный исследователь 30-х годов XX века

Может и правда скоро?.. Может, какие суда на подходе из Беломорска?..

Кадровик не торопился выдать что-то эпохальное. Он просто рассказывал, называл имена судов, которые на этот час были в прибрежном лове и возле Шпицбергена, на просторах вожделенной Атлантики вокруг острова Ян-Майен и на банке Джорджес...

Но он говорил и о многих судах, которые ещё не одну неделю должны стоять в ремонте, для того, чтобы потом надёжно рыбачить в осенних и зимних морях грозного Ледовитого и не менее суровой северной Атлантики...

Николай Семёнович сидел за столом рядом с докладчиком и чуть снизу вверх поглядывал на велеречивого кадровика.

-Иван Иванович, - вы уж постарайтесь короче, ведь ребята волнуются...

-А покороче скажу так: дано строгое распоряжение на безусловную проверку штатного замещения на всех судах, находящихся в ремонте, особенно на тех, которые уже на выходе. Что греха таить?.. Наши капитаны норовят сами подобрать себе команды из насквозь проверенных людей – из тех, с которыми они хотя бы раз бывали в рейсе и которых они знают... В какой-то степени их тоже можно понять - ведь с капитана главный спрос за результат работы всего экипажа... Стармехи с концом ремонтных работ тоже норовят самостоятельно подбирать себе кадры из команд тех судов, которые ещё долго будут в ремонте...

-А если у вас такая отлаженная система подбора кадров, то чего же мы тогда сюда приехали за тысячу вёрст?! – первым запальчиво крикнул с заднего ряда Вовка. – Зачем вы заявку на такое количество практикантов давали?..

-Это верно... Вас прибыло ровно столько, сколько мы запрашивали и поэтому я, как зам начальника управления по кадрам, гарантирую, что все вы в течение двух недель получите направления на суда, которые в самое ближайшее время выйдут в море, где вы получите настоящую практику...

После такого категоричного заявления Николай Семёнович тоже взял слово и попросил своих ростовских мореходов особенно не переживать, а поверить Ивану Ивановичу и спокойно, терпеливо ждать своих пароходов.

-А сам я сейчас зондирую обстановку с кадрами в Мурманском тралфлоте и, в крайнем случае, готов подклю-

чить правовые органы, которые, надеюсь, будут на нашей стороне, - подбавил стали в голос командир роты.

-Николай Семёнович, это уж вы зря, - перебил Иван Иванович. – Поверьте мне, ведь это мои кадровики составили заявку, а я подписывал...

-Вашими бы устами...

-Я уже сказал, что мне лично поручено проконтролировать распределение ваших ребят...

-Будем надеяться...

На этом первая часть серьёзного разговора была закончена, после чего Иван Иванович ещё долго рассказывал ростовским практикантам о структуре флота, о перспективах его развития, о том, какую рыбу и в каком количестве добывают мурманские рыбаки.

Он сумел так заинтересовать ростовчан, что те ещё целый час не отпускали его из красного уголка, да и сам он, похоже, увлёкся и никуда не торопился, даже когда стукнул обеденный перерыв.

Николай Семёнович, а с ним обмякшие и подобревшие практиканты, долго и от души благодарили Ивана Ивановича, выражали ему горячую признательность, несмотря на то, что и в этот день не получилось ни одного направления. На что только не пойдешь, чтобы иногда ублажить начальника, тем более, если он и в самом деле всем понравился. Но из курсантов никому и в голову не пришло отдельно от всех прошмыгнуть за дверь ставшего таким свойским кадровика. Все они были и остались верны воле жребия...

Вышка

Штурмана с каждым утром потихоньку таяли, их оставалось всё меньше и меньше. Но только на пятый день получил направление на средний траулер первый механик. Им оказался Толька Абрамов и, что характерно, не только по жребию, но и по алфавиту.

-Так... - глубокомысленно такнул Сашка Назыров, прикидывая что-то в уме. – Нас десять человек, а десять на пять это будет пятьдесят – считай два месяца... до конца нашей практики останется всего четыре...

-Вполне хватит на один полный океанский рейс, - подхватил Вовка. – Ведь средние траулеры ходят в рейсы в среднем по сто пять суток, а это, по законам арифметики, как раз и есть три с половиной месяца.

-Ура, ура, - подвел невеселое резюме Валерка Туманов.

Траулер, на который направили Тольку Абрамова, стоял в порту и ребята из двадцать восьмой хором пошли его провожать, но дальше проходной их не пустили, прошел только сам Абрамов с направлением в руках.

-Вечером, если не задержат, приду к вам – расскажу...

Вечером Толька не пришёл, а заявился на другой день прямо к управе.

-Сразу на вахту до утра поставили, а сегодня с утра расходный топливный бак чистил...

От Абрамова и в самом деле несло, как от пустой соляровой бочки.

-Котел на пароходе не работает, мыться негде... Холодной водой пришлось, - оправдывался Толька.

-Ладно, твой запах – бальзам на наши души. Так что рассказывай...

-А чего рассказывать? Нашел свою «Чупону», отдал стармеху направление, а он сразу нарядил меня в робу и поставил на вахту до утра...

-А что за название такое странное?

-Спрашивал у двоих матросов, никто не знает. Речка вроде такая есть где-то на Кольском полуострове ...

-Самое главное давай – когда в рейс?

-Как выразился стармех: недельки через две-три, а там и весь месяц может уйти по ходу ремонта.

-Месяц тебе как раз пригодится для изучения парохода со всех его разных сторон и притирки с командой...

Так что ребята решили, что Тольке сильно повезло – всем бы так.

На другой день Федька Зюзиков, а с ним еще двое штурманов, уехали в Беломорск на стоящий там в ремонте траулер...

-Мужики, с деньгами дело хана, - в этот же день ближе к вечеру признался Валерка Туманов, которому друзья поручили вести общую кассу. – За номер завтра платить будет нечем...

-Что же ты, чучело, раньше не сказал?.. В конторе, наверное, можно было аванс попросить, а впереди два выходных! – развыступался Сашка. – Что теперь два дня будем делать?..

-Займём где-нибудь, - махнул в неопределенную даль Валерка.

-У кого ты сейчас займёшь?!.. В гостинице никого наших не осталось... Николая Семеновича тоже не найдёшь – он где-то у знакомых....

На другое утро ребята завтракали чаем с хлебом, а чуть позже снялись из гостиницы и уселись на огромную бетонную лавку здесь же, перед парадным входом в гостиницу, которую обывкшие ребята иногда называли бичхоллом.

-Итак, приплыли... какие у кого будут соображения?.. – открыл Вовка хмурую пятиминутку.

-Да чего тут трагедь ломать – пару ночей можно и на вокзале перекантоваться, не больно-то принцессы на горошине! – громко, но натянуто заулыбался заведующий пустой кассой Валерка.

Вовка вспомнил, как они с Шуркой Иванчиным несколько ночей провели на ростовском вокзале во время сдачи вступительных экзаменов...

-И всё-таки надо же было тебе подгадать под самые выходные! – все сильнее возмущался Сашка. – Щас как дам по... по лицу!..

-Ладно вам переживать... до вечера ещё далеко, а на вокзале и в самом деле можно перекантоваться, - поднялся Вовка. – Пошли на вокзал, чемоданы хоть сдадим в камеру, чтобы с ними не таскаться.

Сдавши чемоданы, ребята пошли по городу. С первого дня по приезду они долго ли коротко, но каждый день гуляли по улицам и вполне уверенно изучили его центральную часть.

Но сколько раз можно пройти туда-сюда по броду, когда в кассе звенит одна только мелочь?.. Ну раз, ну два, может, три.... Потом ведь все равно надоест болтаться, как ерунда в проруби.

Кто не знает, что самое муторное дело – это ждать. Некоторые, правда, добавляют «и догонять», но Вовка с этим добавлением не согласен. Ведь, если ты кого-то или чего-то преследуешь, то впереди имеешь цель, а значит и законный интерес к тому, чтобы как можно быстрее эту цель настичь.

Вот как раз цели-то нашим друзьям и не доставало, а потому через пару часов они вернулись на вокзал, где в этот час народу было совсем немного. Можно было занимать любой деревянный диван, даже с видом на Кольскую губу, с его пароходами у причалов и на чистой воде.

-Эх, сколько пароходов и ни одного нашего...

-Я думаю, что на следующей неделе и на нашей улице будут пароходы, - загадал Сашка Назыров. – Так моя планида мне в ухо шепчет.

-А насчёт меня чего говорит твоя планида? – спросил Вовка.

-Свою планиду надо иметь, а то всё на халяву норовите, - огрызается Сашка всё ещё под плохим настроением из-за экономиста Туманова.

-Да никак до своей не могу достучаться, - пытается Вовка поднять настроение товарища, но у него и самого на душе не лучше.

-А жрать-то как хочется, - опять заводится Сашка, – до понедельника и вовсе сдохнуть можно...

-Так у меня в чемодане кое-что имеется на чёрный день! – подскочил Туманов.

У Туманова в чемодане оказалась приличная баночка хорошей тушёнки...

-Вот тут, Туманов, ты молодец...

-Только что хотел по лицу дать, а теперь молодец, - косится Туманов

-Так это ж я любя... просто хотел за жизнь поучить.

После банки тушёнки всё вокруг постепенно стало розоветь и источать великое умиротворение.

Хотя кругом было светлым-светло по причине бесконечного полярного дня, всё же надо было подумать и о предстоящем ночлеге. Конечно, на худой конец, годились и вокзальные диваны, но захотелось прикинуть и другие возможные варианты.

-А что, если к Абрамову нагрянуть? – недолго думая, предложил Валерка.

-А кто тебя без пропуска в порт запустит, да ещё с такой рожей?

-Да уж...

Вполне хороший вариант сразу отпал сам собой. Было ещё несколько предложений, в том числе Вовка придумал, было, пойти в тундру и провести ночь возле костра, но категорически отказался истинный ростовчанин Сашка:

-Во-первых, в тундре дров не найдешь, а во-вторых, сейчас хоть и лето, но не надо забывать за какой мы параллелью находимся...

Вовка сообразил, что для южных кровей ночёвка в тундре, если бы там даже отыскились дрова, дело не простое.

-Вам бы всё по коечкам с простынками, - всё же не удержался от подкола Вовка.

-Слушай сюда! – через пару минут снова поднапрягся Туманов. – Здесь же недалеко мореходка Мурманская – пошли к ним ночевать попросимся... как-никак наша же своя-ская братва...

Это было что-то. Идею безоговорочно поддержали и Вовка и Сашка. В самом деле: ну к кому же идти, как не к своим братьям-мореходам?..

Возле ворот мурманской мореходки стояла точно такая же полосатая будка КПП, как и возле экипажа ростовчан, а рядом с будкой очень быстро нарисовался дневальный из салажат с бело-красной повязкой на рукаве.

-Вам кого в такое время? – хмуро насупился салажоннок.

Ростовчане сразу поняли, что с дневальным разговора не получится – ведь давно замечено, что самые ретивые служаки первогодки, да и не решают они ничего.

-Кто-нибудь постарше из вахтенных рядом есть?.. Позови-ка...

На разговор вышел третьекурсник, рукав которого был украшен сине-белой повязкой старшего по вахтенной команде. Он с удивлением уставился на троих «штатских», которые столь бесцеремонно подвалили к мореходскому экипажу.

Валерка растолковал строгому начальнику все как есть...

-А откуда я знаю, что вы курсанты?.. Может, забуддыги какие... и вообще, у нас в экипаже санобработку делали, так что и без того все здорово уплотнились...

-Эх вы... тоже мне, мор-реходы, - припечатал вахтенных Сашка Назыров.

-Да вы не обижайтесь – нельзя нам посторонних пропускать! – уже вслед крикнул что-то осознавший третьекурсник. – Тут через улицу «вышка» расположена – попробуйте сходить туда!..

Ребята шли по знакомой дорожке с панорамой на Кольский залив, по направлению к вокзалу.

-Пацаны! – дошло вдруг до Вовки. – Чего это он там бормотал про «вышку»? Про мореходку высшую, наверное...

-Есть такая, - сразу сказал первый встречный прохожий. – Вон на ту улицу выйдете, пару кварталов пройдете – там увидите.

Возле Высшего инженерного морского училища никакого КПП с дневальным не было, но в небольшом холле за высокими дверями кемарил, положив голову на стол, светло-волосый парень в кителе со стоячим воротником, наподобие тех, что носили дореволюционные студенты. Рядом вверх дном валялась фуражка.

Парень, видно, спал крепко, потому как совсем не отреагировал на громкий скрип тяжёлых дверей, которыми Вовка несколько раз пороботал туда-сюда.

-Что же теперь делать? Разбудить, так ещё обозлится спросонья...

-Обозлится, так уйдём на вокзал...

Но как раз в нужный момент где-то в глубине коридора раздались гулкие шаги. Вовка сунул голову за угол. Навстречу двигался такой же студент в кителе нараспашку. Первым делом он навалился на спящего:

-А ну, хмырь, просыпайся!.. Смена пришла!..

Сидящий за столом, нехотя и с трудом разлепил глаза, долго непонимающе моргал. Наконец, на лице появилась печать разума.

-А вы, ребята, кто такие и откуда?..

Валерка Туманов снова повторил незатейливую исповедь.

-Было бы что другое, а это нам завсегда пожалуйста! – окончательно проснулся сдавший вахту. – Тем более, я сам родом из Волгограда, так что почти земляки...

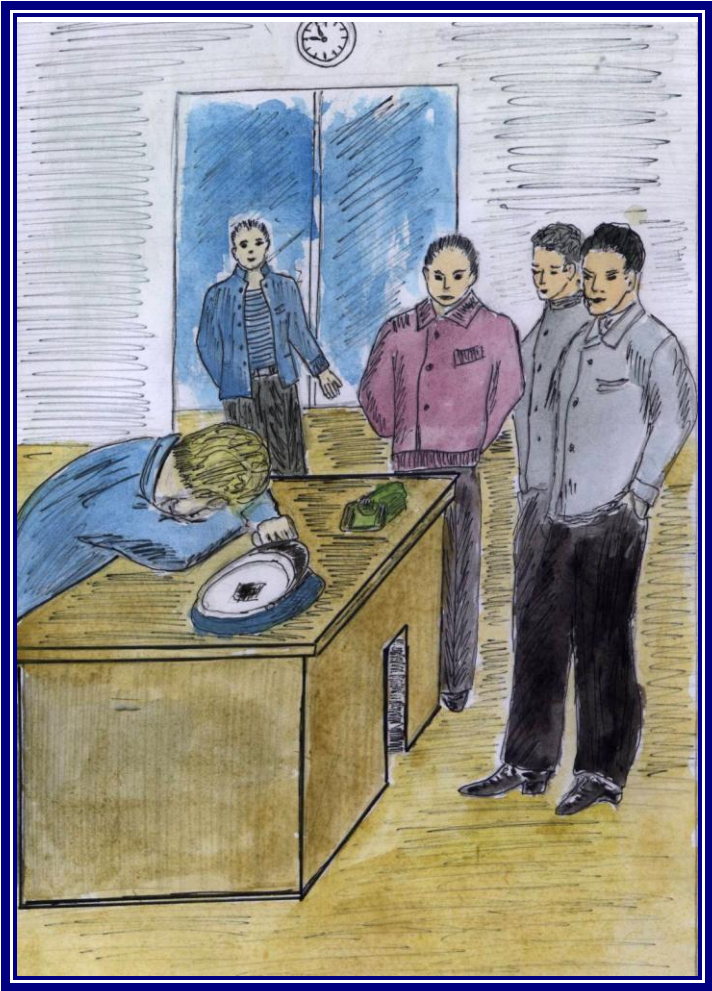
Парень представился Николаем, ростовчане назвали себя, и знакомство состоялось. Вовка почему-то обратил внимание, что на дежурном столе не было никакой тетради, тем более вахтенного журнала, в котором положено было бы расписаться сдающему и принимающему вахту.

«Стало быть, здесь свои порядки... что-то типа анархии...»

Николай вывел ребят в большой двор, а со двора вновь завел на третий этаж общежития.

«Опять не по-морскому» - машинально отметили ростовские.

Зато комната в общежитии была точной копией мореходского кубрика с такими же двухъярусными койками, рундуками и столом посередине. На койках о чем-то нехотя базарили трое студентов, которые, узнав в чем дело, тут же подскочили.

-А мы тоже последнюю ночь тут ночуем – завтра по отпускам. Половина наших уже разъехалась, так что выберите любые койки...

Хозяева поделились с гостями и простынями и наволочками, а также немудрёными остатками своего отпускного застолья, которые к давно урчащим животам были куда как совсем кстати.

-Это же надо было нам так угадать...

Спали, как в родном экипаже. Встали вместе с хозяевами. Ростовские хотели, было ненавязчиво откланяться, но мурманчане их не отпустили.

-Так не пойдёт.... Пошли с нами завтракать, а уж потом ваше дело...

Ну, что тут поделаешь?.. Завтрак мурманских мореходов в последний день перед отпуском был от пуза. Отчасти из-за того, что столы были накрыты и на успевших уехать то ли студентов, то ли курсантов – ростовские так и не поняли. Но и после плотного завтрака непрошенных ночных гостей никуда не отпустили.

-Вам все равно идти некуда, а мы сейчас небольшую отвальную будем варганить... так что давайте обратно к нам, - распорядился Николай.

-Да мы и так уж...- по-всякому благодарили ростовские.

-Ничего, Земля круглая – авось, доведётся встретиться... может, и вы кому-то поможете, а те обратно нам. Так и заживём по кругу...

За небольшой отвальной просидели до обеда. Будущим мореходам было о чем поговорить, чего только стоили рассказы об учебной практике ростовчан. В разговорах не обошли вниманием и взаимоотношения с гражданским населением соответствующего возраста.

-Таких побоищ, как у вас, здесь, конечно, не бывает, да и моряков в Мурманске, если считать с военными – каждый второй на улице. Так что штатским связываться с людьми в форме - себе дороже выйдет. И вообще, северный народ и по натуре гораздо спокойнее южного...

Ростовчане ещё разок попытались встать и откланяться, но...

-Вы ведь всё равно на вокзал пойдёте! – хором зашумели хозяева. – А нам тоже туда - мы же все на одном поезде до Москвы едем, вместе и пойдём.

Николай горячился больше всех:

-Мужики, давай по трояку скинемся – этого им вполне хватит до завтрашнего понедельника протянуть, а мы не обеднеем...

Соппротивление было бесполезным...

Наконец, мурманчане собрались, и новые друзья зашагали к вокзалу. Возле вагона соорудили посошок, и «вышкари» покатали по своим весьям.

-Придѐте с морей – заходите в гости!.. - никак не унимался Николай, а с ним и его друзья – однокашники.

-Вот ребята, так ребята! – весело перекидывались ростовчане, когда отстучал последний вагон поезда. – Если бы все люди вот так жили между собой, давно бы уже состоялось светлое будущее всего человечества...

Ночлежка

Ростовские снова остались одни. Но теперь в их кассе было целое состояние, которым нужно было с толком распорядиться.

-Пошли в гостиницу, - заторопился Туманов, - я в ванной хочу полоскаться.

Но в гостинице их ждал полный и безоговорочный афронт.

-Нету местов! – объявила сдобная сверх всякой меры администраторша. – И сегодня не предвидится...

-Совсем что ли нет? – оторопели ребята.

-Совсем - совсем...

-Чего же нам теперь делать? На вокзал что ли опять идти? – заартачился Туманов.

-В «Мурмансельдь» идите! - хлопнула окошком администраторша.

-Куда-куда? – закудахтали вконец ошарашенные ростовчане. – При чём тут сельдь?..

Ребята уже знали, что в Мурманске есть несколько управлений, занимающихся морской рыбалкой, в том числе и «Мурмансельдь», но какая связь между этой конторой и ночёвкой - им пока было неизвестно.

Валерка догадался подойти к бывалому мариману, который сидел в вестибюле за одним из столиков и лениво листал толстый журнал.

-Да есть у них что-то типа гостиницы или, скорее, ночлежки...

Мариман подробно объяснил, как добраться до богоугодного заведения и ребята пошли по дороге скитаний. Однако, долго искать ночлежку «Мурмансельди» им не пришлось – заведение было известно всем.

По дороге Вовка представлял себе мрачное здание этажа на два, почему-то зарешеченные окна и углые кельи с деревянными нарами от пола до потолка, но на самом деле всё оказалось немножко по-другому. Длинный барак в один приземистый этаж был выкрашен то ли белой краской, то ли побелкой и мрачного вида не имел.

Внутри их встретила внушительного вида вахтерша, она взяла с каждого аж по десять копеек, и в первую очередь выдала по полотенцу. Полотенца были старые и полустёртые, но чистые.

-Помоетесь в душе – получите остальное...

В конце коридора действительно была душевая в несколько рожков, так что ребята залезли под струи одновременно. Вода, в меру горячая, всегда поднимает настроение, а Туманов и вовсе затынул: «Шаланды полные кефали...»

-А что? Не так уж всё плохо.... А на сэкономленные денежки пошлём гонца и купим винца к ужину, чтобы лучше спать на новом месте.

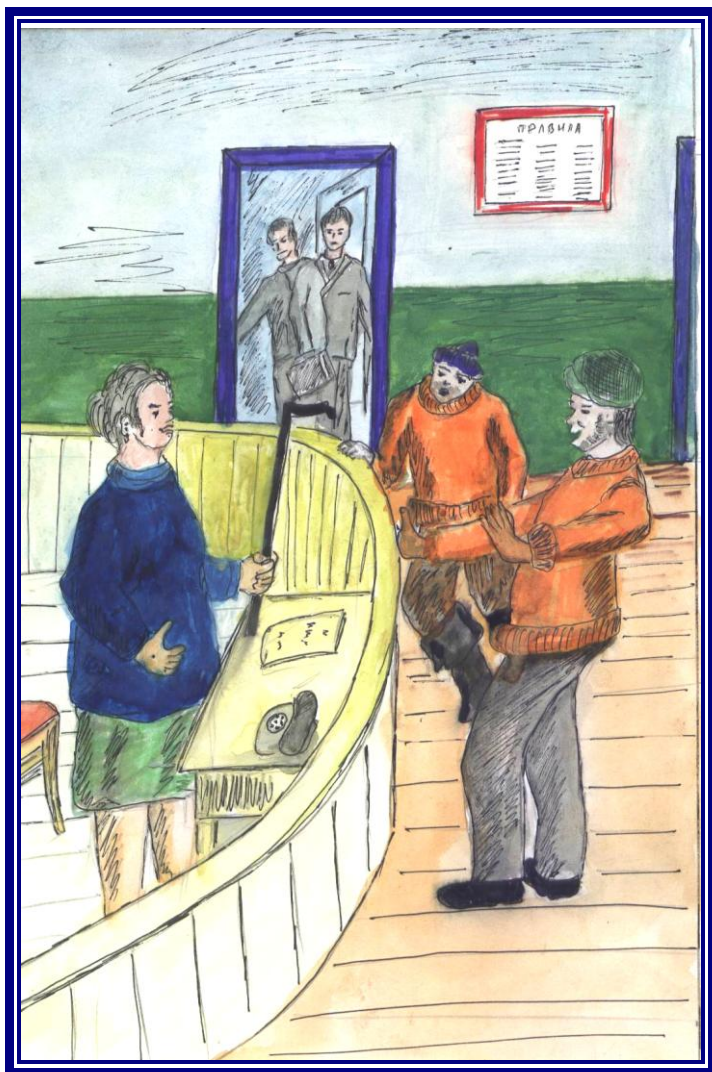
Все так и вышло, как распланировал великий экономист Туманов. Вахтерша завела новых постояльцев в одну из больших комнат по коридорному ряду, где почти впритык стояли койки. Между ними оставались только узкие проходы, по которым ловко продвигалась дородная хозяйка. Указав ребятам койки, она так же величаво удалилась, почему-то громко хлопнув дверью.

На некоторых койках лежали и сидели люди. Двое или трое спали, несмотря на дневное время, ещё столько же моргали в сторону новичков. А всего Вовка насчитал в комнате восемнадцать коек в один ярус.

«Нерационально. Столько зря пустого места пропадает - надо было бы двухъярусные поставить, - размышлял Вовка, оглядываясь по углам. – Но с другой стороны тридцать шесть бездомных, и каждый со своим запахом, к утру могут очутиться в газовой камере и запросто задохнуться...»

Стать гонцом и бежать за винцом выпало Сашке, но Вовка тоже пошел с ним за компанию. Возле стойки с вахтершей поддерживали друг - друга два живописных типа.

-Куда прёте! – грудью вперед стояла на их пути мощная вахтерша. – В таком виде никого пускать не велено...

-Да живем мы здесь, - мычали мужики, - и сразу спать лягем...

-В тундре вы спать ляжете!.. Там вам самое место, алкаши несчастные...

-Истинно несчастные и есть, а вам грех глумиться над несчастными...

-Они еще издеваются! – не на шутку распалилась вахтерша. – А ну валите отсюда, а то вот я вас сейчас кочергой по бокам!..

В руках у грозной женщины действительно появилась средних размеров кочерга, и она решительно вышла из-за своей загородки.

-Ладно, пошли, - дернул Вовка Сашку, который разинул рот и уставился на бесплатный концерт. – А то и нам попадет...

Ребята спрыгнули с высокого крыльца и устремились к заветной цели. Шум возле загородки с вахтершей тем временем нарастал, но, когда гонцы вернулись с трофеями из гастронома, то оба мужика, в чем есть, дрыхали на одной раскладушке в коридоре. Пропустила всё-таки бедолаг с виду грозная вахтерша.

В коридоре и в комнате, куда заселились ростовские, народу прибывало. По углам стали образовываться компании по три-четыре человека, ростовчане тоже заняли территорию, вполне приемлемую для полноценной жизнедеятельности. Только, было, расположились ребята в своих владениях с нехитрой снедью, что им Бог послал, как тут - нате вам пожалуйста, нарисовались!..

Оглянувшись на шум, Вовка увидел веселых через край Женьку Фролова и Петьку Варламова – тоже пока безработных штурманов.

-Откуда это вы свалились?!.. Такие немытые и непильные...

-Откуда вы – оттуда и мы, - резонно ответили штурманы. – Мы здесь уже вторые сутки ночуем, так что мы здесь в доску свои, а вы салажня необстрелянная и потому ма-а-лча-а-ать! – длинным фальцетом на всю комнату закончил юморист Женька Фролов.

Когда отшутились, то, не теряя времени, провели обмен жилплощадью, то бишь койками, и теперь ростовчане стали обладателями самого большого территориального образования в пределах ночлежки «Мурмансельди».

-Эх!.. Гулять, так гулять! – разошелся Валерка Туманов, которому снова, несмотря на его бывшую оплошность, доверено командовать общей кассой. – Высыпай всё, что у вас есть!..

-И-и эх! – рванул Женька рубашку, из-под которой виднелась тельняшка. – Однаво живем!.. Только у нас нет ни копыя... - добавил он уже шёпотом на ухо Вовке.

-Да-а... это уж совсем худо. наших остатков явно маловато...

Долго и бесполезно шарили по карманам - вдруг завалялся куда троячок с рублишком, но подарка не случилось.

-А что, если попробовать что-нибудь продать?.. – задумался Женька.

-Что продать?.. А, главное, кому?.. Денежный народ здесь не ночует.

Вовка вдруг вспомнил, что ещё в вагоне Женька приставал к его ремешку – змейке: продай да продай.... Но тогда Вовка отмахнулся и не отдал в чужие руки золоченый гибкий ремешок с телом и головкой змеи.

-Женька, тебе мой ремешок сильно понравился – попробуй толкнуть... Может, по другим комнатам пройдешься... хотя бы за трояк.

-Петька, пошли со мной - вдвоем будет веселее торговаться.

Как ни странно, ремешок очень быстро нашёл своего покупателя. Не прошло и десяти минут бесконечного полярного дня, как в комнате с ростовчанами появились сияющие, как начищенные судовые рынды, штурманы.

-За пятерик сторговались!.. Во!.. Чуть с руками не оторвали!..

Прогуляться до гастронома добровольно согласились Валерка Туманов и Петька Варламов - по одному от механиков и штурманов.

Новоселье праздновали будто бы завтра, по меньшей мере, конец света. Постепенно, как и положено в общих гостиничных номерах, даже, если это обыкновенная ночлежка, к ростовчанам присоединилось большинство её постоянных и случайных обитателей.

Откуда-то находились все новые и новые рублики, трояки, и даже пятерки, гонцы сменяли друг – друга... Похоже, в этот вечер здешний гастроном наторговал, самое малое, недельную выручку за счёт ростовских заводил.

Но и карманный бюджет каждого вовлеченного в вино-угарочный оборот, перестал согревать души его владельцев хоть какой-то, пусть даже призрачной, надеждой...

В один из моментов беспорядочного застольного разговора Вовка состыковался со смугловатым парнем явно похожим на татарина или башкира. И Вовка не ошибся – парень по имени Фарид, действительно оказался из поселка Азнакаево, что всего в каких-то пятидесяти километрах от Зеленогорска. Да это же самый что ни на есть настоящий земляк!.. Парни начали расспрашивать друг друга о родной сторонке, будто бы не бывали там уже многие годы. Шумно радовались, если вспоминали что-то общее.

– В Мурманске я второй год и тоже работаю в Беломорской базе Голова, - рассказывал Фарид, когда перешли к «текущему моменту». - На сейнере дважды выходил в Баренцево море, но сейчас мой пароход надолго встал в ремонт, и мне пришлось с него списаться. Теперь мечтаю сходить в большой рейс в Атлантику...

-А как ты вообще здесь оказался?.. Чего дома возле печки не сидится?..

-А это проще простого. Служил я здесь, дембельнулся, съездил домой, и такая меня там скука взяла – вот так я и оказался снова здесь...

-И давно ты последний раз с морей?

-Да уже два месяца... рейсовую получку почти всю домой отослал – там дом родители строят. А на деньги, что платят в резерве, больно не разгуляешься. Вот и кантуюсь пока между гостиницей и ночлежкой...

-Ты простой матрос и уже целых два месяца ждешь пароход в Атлантику! – чуть не упал Вовка и только потому, что падать было некуда. – Как же тогда нам?..

-Да нет... я на две недели в Ленинград ездил к своему флотскому корешку, потом уже здесь отгулы брал, так что в резерве я меньше месяца...

И все-таки рассказ земляка задел за живое.

-Завтра надо попытаться попасть к самому начальнику, - наставлял Вовка захорошевших друзей. – И не уходить из кабинета, пока не скажет что-нибудь конкретное насчет пароходов...

-Будет день – будет пища, - бекали и мекали ребята.

Судя по часовым стрелкам, праздник кончился далеко за полночь. Постепенно все расплзлись по своим койкам.

По утрам, после таких дружеских бесед, Вовка никакого синдрома не испытывал, как, впрочем, и остальные его друзья. Так что никакой пагубной потребности они не ощущали и в самом наилучшем расположении духа направились с утра пораньше в свое управление. В этот раз с ними за компанию был и Вовкин земляк Фарид.

-Вместе веселее...

Одни

Несмотря на ранний час, Николай Семенович уже поджидал своих подопечных на лавочке возле дверей. Он, конечно же, поинтересовался, как ребята провели выходные дни, куда ходили, что делали...

-Все хорошо, Николай Семенович! – дружно отвечали ребята на манер развесёлой песенки Утёсова про прекрасную маркизу.

Да и впрямь – грех жаловаться под такие приключения.

-Начальник уже здесь, и пока не подошли остальные клерки, давайте-ка, нагрянем к нему в кабинет, - словно угадал командир вчерашние Вовкины планы.

Из пустой пока приемной в приоткрытую дверь просматривался начальник управления. Был он среднего возраста, среднего телосложения и с большими золотыми нашивками на рукавах.

-Сколько вас осталось?.. Ага, всего-то пять человек... ну, с этим мы как-нибудь справимся и решим нашу общую проблему.

-Нам не надо как-нибудь, - опять шагнул вперед Вовка. – Нам в море скорее надо, а то все мы без плавцента останемся...

-Не волнуйтесь, - убеждал начальник. – Возьму на личный контроль... кстати, как у вас с деньгами? Ведь вы уже вторую неделю здесь...

-С деньгами тоже хуже некуда, - отвечал за всех Вовка. – Нам бы аванс...

-Так и я про это, - заулыбался начальник, - по пятьдесят рублей хватит?..

-Хватит – хватит! – зашумели все разом, словно боясь, что начальник передумает.

Ребята гуськом потянулись в дверь, а обнаглевший Вовка шагнул ещё ближе к массивному столу:

-С нами ваш один матрос все эти дни... Мы с ним из одного города... Он это... - зачем-то врал и запинаясь Вовка. – Он уже два месяца ждет и тоже без денег...

-Кто такой? – с утра продолжал улыбаться начальник. – Где он? Зови сюда...

Вовка молнией метнулся в приемную. Фарид стоял в кучке ростовских.

-Шакиров, говоришь... Ладно, будем направлять ростовчан и тебя вместе с ними постараемся, - черкнул начальник в своей тетради.

Вовка с Фаридом вышли, оставив доброго начальника наедине с Николаем Семеновичем. В до того пустой приемной появилась хозяйка, с виду неприступная, как Северный полюс и снежная королева вместе взятые. Ростовчане уже с первого дня знали, что её зовут Марина.

-Здесь не зал ожидания, так что попрошу всех в коридор...

-Ай, как нехорошо, - сразу пристыдил её Вовка. – А где же традиционное гостеприимство северных оленеводов, где юкола, где моржати́на?

-Во-первых, где это вы здесь увидели северных оленеводов?.. Вы бы их лучше в тундре искали, чем маячить с утра в приемной и людям мешать работать.

«Ну и девчонка... вот отшила, так отшила... а я то, дурак, про юколу да про моржати́ну ни с того, ни с сего загнул» - корил себя Вовка, покидая приемную с её через край серьезной хозяйкой.

Николай Семенович в кабинете с утра доброго начальника тоже долго не задержался. Вскоре он прошел мимо ребят в бухгалтерию и вышел оттуда с пачкой денег и ведомостью. Ребята, как цыплята за наседкой, заторопились за ним на ту же лавочку во дворе.

-Аванс, - сразу догадались они, - теперь ещё неделя не страшна...

Командир быстро раздал деньги.

-Шакиров... кто такой Шакиров? – уперся он в незнакомую фамилию.

Фарид уныло стоял в сторонке. Вовка его окликнул.

-Я Шакиров, - нерешительно подошел Фарид к группе ростовчан с командиром, который, видно, не обратил внимания на фамилию, прозвучавшую еще в кабинете начальника.

-С моими курсантами в одну ведомость попал... на-ка распишись.

И Вовкин земляк Фарид тоже получил свои пятьдесят рублей.

Между тем Николай Семенович сделал очень серьезное лицо и даже привстал перед сидящими курсантами.

-Ну, дорогие мои ребята, я все-таки решил возвращаться в Ростов. – Вас из двадцати человек осталось всего пятеро, и начальник управления дал мне своё честное слово, что в ближайшие три дня вы все будете расписаны на отходящие суда...

Николай Семенович перевёл дух и, как бы оправдываясь, продолжил:

-Так что, надеюсь, вы на меня не в обиде... Я вроде бы сделал всё, что от меня зависело и теперь спокойно могу ехать домой...

-Ну что вы, Николай Семенович, какие могут быть разговоры? – первым подскочил Туманов. – Да мы и так будем вам благодарны...

-Так что хватит за нас беспокоиться, - поддержал Вовка Валерку. – В Мурманске мы уже вполне освоились и теперь нам сам черт не брат...

-Вы только с этим делом поменьше, - щелкнул по горлу Николай Семенович. – Это дело еще никого до добра не доводило...

-Будьте спокойны... у нас всё в меру.

Здесь же, возле управления, командир распрощался со своими подопечными, последовали взаимные самые добросердечные пожелания, и Николай Семенович отбыл в направлении благодатного юга....

Итак, командир отчалил, а это значило, что сегодня и завтра, и тем более все последующие дни и месяцы до самого конца практики, курсанты – практиканты будут предоставлены самим себе.

Тем временем большие настенные часы в коридоре ударили полдень, изо всех щелей стремглав повыскакивали всякого ранга клерки, в основном, женщины.

Направления на суда, выписывали только в первой половине дня, а потому топтаться возле конторы смысла больше не имело. Особенно не сговариваясь, решили в ночлежку не идти, а во что бы то ни стало устроиться в гостиницу. Фарид теперь уже намертво приклеился к ростовским.

В гостинице на сей раз всё обошлось, как нельзя лучше, правда, долго комбинировали из номера в номер, чтобы

попасть всем вместе в один большой. Пора, наконец, назвать вещи своими именами. Собственно, речь идет только о гостинице или доме междурейсового отдыха. Но ни так, ни эдак это величественное здание никто из мало-мальски понюхавших море не называет.

Бичхолл – вот название, так название... образовано оно из двух слов, из которых «холл» понятно каждому, а что такое «бич»?.. Прежде всего, по-английски – это берег, то есть дословный перевод бичхолла – береговая гостиница для моряков.

Однако, в русском языке слово «бич» имеет ещё множество толкований, самым интересным из которых, по мнению Вовки, является «бывший интеллигентный человек». Ростовчане только тогда впервые узнали это слово, а сейчас его можно услышать в любой самой захолустной деревеньке и понимают под ним любое отребье с подвальными бомжами. Но изначально бичами называли все-таки моряков, временно толкающихся на берегу...

...А назавтра направление получил Валерка, с ним вместе матросом пошел Фарид. Женька с Петькой мечтали попасть на одно судно и разбиваться не стали. Валеркин средний траулер тоже стоял в порту и недалеко от Тольки Абрамова. Новички отдали направления каждый по своей службе.

-Скоро обед, так что пока отдыхай, а после обеда спустишься ко второму механику в машину, посмотрим, на что ты годен, - круто взялся за нового моториста стармех, определив Валерку в одну из кают на корме траулера.

-Я к своему корешку пока по-быстрому сбегая – он тоже здесь недалеко стоит.

-Твое дело, только не задерживайся лишка.

Абрамов стоял на суточной вахте и очень удивился явлению Валерки в машинном отделении, которое всем своим видом говорило о том, что здесь только что закончены ремонтные работы – кругом все сияло.

-А тут поговаривают, что твоя «Пудонга» еще раньше моей «Чупоны» в море выходит! – радостно верещал Толька, заскучавший по своим ростовским. – Но разница не более недели и район промысла один и тот же...

-Это хорошо, если это на самом деле так.

-А где вы были в субботу-воскресенье?.. Я два раза по бичхоллу крутился, надеялся, что вы все-таки появитесь, да так и не дождался...

Валерка рассказал Толяну про мурманские похождения ростовчан, про новых друзей в высшей мореходке, про ночлежку и другие горячие новости, в том числе и про отъезд Николая Семеновича в родной Ростов.

-А ко мне-то запросто можно было пройти – тут в заборах дырка на дырке. Я сам теперь, чтобы до проходной не тащиться, напрямую, через дырку, туда-сюда прыгаю.

-Хватит по пустякам болтать! – опомнился Валерка. – После обеда стармех что-то типа экзамена хочет мне устроить, так что быстренько рассказывай самое главное, а то я уже все забыл, что нам на «Седове» показывали...

На свежую память, Толька выдал Валерке всё из того, что сам успел изучить за неделю, даже пуск и реверс главного двигателя сымитировали. Кончилось тем, что возвратившийся на свой пароход новый моторист, предстал перед не очень-то строгими экзаменаторами во всем блеске.

-Ладно, кое-что соображаешь, – порешили маститые судомеханики. – Можешь самостоятельные вахты стоять, так что завтра с утра на сутки...

-Есть! – по-военному откозырял Валерка, сам шибко довольный итогами экзамена.

Марина

А невезучие Вовка с Сашкой, и Женька с Петькой, дождавшись возле конторы обеденного часа, тем временем привычно чапали в свой бичхолловский номер.

-С каждым днем и наши шансы возрастают! – тыкал пальцем в небо Вовка. - Если каждый день будут уходить по два человека, то остаётся всего-навсего два дня!..

-Пацаны!.. А что, если нам сегодня в ДК на танцы завалить, совсем ведь рядом с бичхоллом, - с чего-то предложил Женька. – А то всё в номере, да в номере.... Может, подружек каких никаких зацепим для разнообразия жизни...

-Давно пора вспомнить нашу ростовскую набережную и парк Горького, - сразу поддержал его Вовка. – Такой опыт впустую пропадает.

Сашка с Петькой тоже согласились поддержать компанию.

Монументальное здание мурманского Дома культуры рыбаков и в самом деле было в пяти минутах неспешной ходьбы. После вечернего перекуса в бичхолловском буфете, ребята подались в заданном направлении.

Народу было немного – все-таки будний день. Парни, в ожидании развития танцевального вечера, заняли низенький столик в буфете, где, кроме пива, на полках красовались лишь лимонад и печенье с конфетами.

Сласти ростовчан сразу не заинтересовали, пришлось заняться пивом. Ребята уже начали жалеть, что решились на такое скучное мероприятие – сидели бы лучше в номере за бутылочкой чего покрепче да перекидывались в картишки. Но вдруг Вовка увидел... секретаршу Марину, с которой у него только вчера состоялся такой некрасивый разговор, при этом не в его пользу.

-Смотри-ка, смотри! – обратил внимание и Сашка, а за ним и штурмана. – Наша секретарша, да ещё без кавалера...

Марина – выше среднего роста девушка с черными прямыми волосами на плечи, обрамляющими яркое лицо из фильмов про цыганских красавиц, села за свободный столик со своей спутницей, тоже очень даже интересной девушкой. Но, если вторая и проигрывала первой, то только тем, что от неё не веяло на сто метров в разные стороны той самой неприступностью Северного полюса и великим пренебрежением ко всему окружающему, что больше свойственно кораблям пустыни верблюдам, а не девушкам, пусть даже очень красивым.

«Не может быть, чтобы такая девушка пришла на танцы в обыкновенный Дом культуры, да ещё без провожатого, – продолжал соображать Вовка, машинально отхлебывая безвкусное пиво. – И всё же почему они до сих пор одни?..»

Танцзал начинался сразу за последним столиком, но, несмотря на гремящую музыку, в дальнем углу тихо шевелились только две-три пары и столько же одиночек.

«Эх, будь что будет! – решил Вовка. – Не Марину, так другую...»

Вовка набрал воздуха, встал и, не мигая, уставился в сторону черных глаз, которые никуда и ни на кого не смотрели.

«Посмотрит на меня или нет?.. Если посмотрит, то приглашу её, если нет, то подружку...»

Марина «увидела его» в самый последний момент.

-Разрешите на фокстрот! – резко развернулся на прямых ногах Вовка, который согласно своей установке, уже собрался обратиться к прямо смотревшей на него спутнице Марины.

О!.. Это надо видеть и притом с очень близкого расстояния, чтобы не упустить ни одного момента из величаво медленного поворота прекрасной головы... Её молчание, которое одновременно красноречивее всяких слов, но так же непонятно... Приспущенные ресницы, кажется, вот-вот совсем захлопнутся.... А как она встала из-за столика, подав немислимым образом изогнутую руку...

И вот она, наконец, стоит перед Вовкой, но всё тот же взгляд в никуда, и полное отсутствие всякой заинтересованности в происходящем.... Нет!.. Решительно вокруг неё никого не было!..

Пока замедленная Марина внедрялась в танец, фокстрот уже отыграл своё, но Вовка не сделал даже движения в сторону столика Марины. Он прямо на месте дождался следующего танца. Марина тоже безропотно стояла. И дело пошло на лад.

-Марина, я сейчас нахожусь на танцах и танцую с красивой девушкой, а вы где?..

Ответ пришел не сразу:

-Я тоже знаю, что вас зовут Володя, и что вы все практиканты из ростовской мореходки...

Вовка не очень удивился: не так уж много в Гослове ростовских курсантов, чтобы не запомнить хотя бы одного из них. Кроме того, он почувствовал, что Марина стала потихоньку выглядывать из-за своего ледового панциря.

-Марина, а почему это у вас в Мурманске такие красивые девушки ходят на танцы без сопровождающих лиц?.. – придумал Вовка хороший вопрос.

-Мы договорились встретиться здесь, но они военные – значит, у них что-то случилось, раз их до сих пор нет...

-И как давно вы знакомы со своими военными? – осторожно начал развешивать красные флажки Вовка.

-Да нет... - уклонилась от прямого ответа Марина. – Не так чтобы очень...

Слово за слово... вот уже и перешли на «ты». Вовка с Мариной и её спутницей заняли столик поближе к буфетной стойке, к ним тут же присоединился великолепный даже по гражданке штурман Женька Фролов.

Но не станешь ведь девушек угощать обыкновенным, да ещё с кислицей, пивом...

-Женя, прояви способности, - кивнул Вовка в сторону буфетчицы. – У тебя это получается лучше всех.

В подсобке какого буфета не найдется хотя бы ящик хорошего вина и чего другого для особо приглянувшихся клиентов?..

Вот только украсить столик яркими бутылками, к сожалению, оставалось невозможным, и Женька за два рейса загрузил стол разнокалиберными стаканами. Подружка Марины назвалась Вероникой и совсем скоро полилась застольная и совсем даже светская беседа. Сашка с Петькой Варламовым тоже подвинули свой столик с пивом почти вплотную.

-Мы еще в школе изучали делопроизводство и вместе с аттестатом получили свидетельства секретарей – машинисток, - рассказывала Вовке Марина. – Я уже полгода работаю в нашем управлении, а Вероника пока устроиться никуда не может или просто не хочет...

-Ей легко говорить – у неё папа полковник, а мой только прораб на стройке, каких в Мурманске пруд пруди...

-Эх, жизнь, - мечтательно закатил глаза Женька. – Да если бы мой папа был полковник, я бы вовсе не работал...

Светская беседа от разговоров другого рода отличается тем, что её участники говорят ни о чем. Но в дружеской компании не забывали, что они пришли на танцы, и Марина с Вероникой ростовским не отказывали, тем более, что Сашка с Петькой больше увлеклись пивом и степенно рассуждали о предстоящих перспективах Северо-Атлантической рыбалки.

В душе Вовка, конечно, понимал, что между ним и такой яркой красавицей, которой ему виделась Марина, ничего серьезного быть не может, ведь таких завоёвывают годами. Но он особенно не печалился. Мало ли у него было всяких приключений, да и через совсем небольшое время он, возможно, уйдет на долгие месяцы в моря и океаны. Так что Марина сегодня стала для него просто ещё одной возможностью общения с прекрасным.

И неожиданно красивый вечер был целиком посвящён Марине. С окончанием танцев «холостые» Сашка с Петькой ушли в бичхолл, а две пары ещё долго гуляли сквозь белую ночь по мурманским улицам с прозрачными сквериками. Предусмотрительный Женька захватил из буфета красивую посудину, которая вполне азартно разошлась между новыми друзьями.

Неспешно обошли вкруговую всю центральную часть города и вернулись к Дому культуры – девчонки-подружки жили в одном из больших домов совсем рядом.

-Вот здесь мы и живем, - звонко чирикала весь вечер веселая Вероника. – Я тут, а Марина в другом подъезде...

Марина распрощалась с подружкой и Женькой. Те сразу же плюхнулись на лавочку возле подъезда, а Вовка с Мариной прошли дальше. В длинном дворе, огороженном с одной стороны соседним домом, а с двух других высоким забором с проездами, никого не было, но ведь и времени уже близко к полуночи.

-Может, тоже немножко посидим, - не очень-то решительно предложил Вовка.

-Только совсем немножко... а то мне завтра на работу, а я так люблю поспать...

Вовка чуть не задохнулся, представив спящую Марину с разбросанными по подушке чёрными волосами и голыми плечами.

-Марина, а почему ты учишься в обыкновенном пединституте? – продолжил Вовка давно начатый разговор. – С твоей внешностью тебе же не учителем быть, а прямая дорога в театр или в кино...

-Мы только третий год в Мурманске живем, а до этого все время по военным городкам... Вот и меня папа с мамой готовят к такой жизни, и потому педагог, что в военных городках только врачи да учителя могут найти себе занятие.

-А как же свое мнение?.. Ты что – робот запрограммированный?..

-А папа не мыслит моего будущего мужа иначе, как военного.

-Папа, папа... Заладила, как говорящая матрёшка. Может, он тебе и мужа уже подобрал – такого, как сам полковника?..

-Ты угадал, - на глазах превращалась в твердый кокон Марина. – У меня и в самом деле есть жених – тот самый старший лейтенант, который сегодня почему-то не пришел, - глядя мимо Вовки, чеканила слова Марина.

-А как же наши танцы и... поцелуй! – искренне оторопел Вовка. – Как потом со своим лейтенантом будешь?..

-А ты мне больше понравился, чем тот...

Марина вдруг резко отвернулась, но Вовка успел заметить дрогнувшие губы и лишний блеск в черных глазах.

«Эх ты.... Куда это я разогнался?.. Не все оказывается у неё запрограммировано, не всё расписано по нотам...»

-Ты уж извини меня... не ожидал я такого конца разговора...

-Дура – эта Верка – Вероника...- также в сторону вдруг выговорила Марина. – Да лучше бы мой отец прорабом был или даже слесарем, чем таким солдафоном.... У этого лейтенанта ведь папа генерал, притом начальник моего...

-Дела... а я думал, что в наше время только на юге в горных аулах продолжают заниматься куплей – продажей невест...

-Да при чем тут купля – продажа!.. Мои родители считают, что это мое счастье – войти в генеральскую семью.

-И в чем же они не правы?..

-Будто, не понимаешь...

Вовка смотрел на Марину и не мог поверить, что они знакомы всего несколько часов. Не считать же мимолетную перепалку в приемной за знакомство. Как ему сейчас хотелось, чтобы вокруг не было никакого Мурманска, а только Ростов с его набережной и мгновениями даже казалось, что это так и есть, но северный холодок быстро ставил все на свои места, и с этим приходилось мириться.

-Я пошла, - солдастиком поднялась Марина. – Мне теперь и так попадет.

-Ничего не скажешь на прощание? – с чего-то придумал вопрос Вовка.

-Завтра в приёмной увидимся – может, чего и скажу...

Вероника заметила, что Марина забежала в подъезд, тоже быстренько распрощалась с Женькой и ушмыгнула, что-то весело крикнув своему штурману.

-Чего такой хмурый?.. - удивился Женька. - С такой девахой подфартило познакомиться - радоваться надо...

-У всех свои проблемы, - не стал распространяться Вовка. – А у таких, как Марина, даже больше, чем у твоей Вероники, а также и у нас с тобой вместе взятых...

-Никакая она не Вероника, - прибавил шагу Женька, - обыкновенная Верка – сама призналась.

-Да разве в этом дело...

В бичхолл еле достучались. Сашка с Петькой, по всем приметам, уже давно спали. Им снилась далекая, и пока неведомая Атлантика...

Направление

Утром Вовка спрыгнул с койки раньше всех. Как будто не было вчерашнего полуночного гуляния, а ещё раньше танцев под вино. Труднее всех и всегда поднимался Сашка На-

зыров. Вовка и в училище частенько измывался над ним по утрам, койка которого висела над Вовкиной. Вот и сейчас он придумал остороженько приподнять Сашкину руку и привязать её к спинке стула рукавом тут же висящей рубашки.

Через пару минут Сашка заворчался.

-Что...что такое?.. Чего цепляешься? – тянет он руку, не открывая глаз.

Стул громко падает. Сашка подскакивает.

-Ну, я тебе как-нибудь устрою козью морду! – как обычно угрожает он, но ему ещё никогда не удавалось про-снуться раньше Вовки.

Вовка шел в контору и почему-то уже не загадывал по всяким приметам: повезет или не повезет ему сегодня с направлением... скорее бы увидеть Марину!.. Скорее...

С утра возле конторы всегда толпятся десятка два - три народу. Это такие же резервисты, которые чуть косо поглядывают на практикантов – конкурентов.

«Когда уже вы все кончитесь – надоели...»

Навстречу Женьке и Вовке сквозь толчею вдруг нарисовалась Вероника:

-А Марина тоже здесь – она уже давно в приемной.

На второй этаж Вовка залетел через пять ступенек. Хозяйка приемной уже разложила свою канцелярию и что-то тарабанила на машинке.

-Привет, - быстро ответила она Вовке и никакого ледяного панциря со скорлупой, одна только маленькая улыбка сквозь черные глаза и чуть дрогнувшие губы.

На этом оба замолчали, не зная о чем говорить дальше. До официального начала рабочего дня оставалось еще минут пятнадцать, но из коридора доносились приглушенные голоса, стук летних каблучков и лязганье дверных ключей.

-Здесь? – кивнул Вовка на плотно закрытую дверь.

-Здесь... он всегда раньше всех приходит и позже всех уходит... Володя, а хочешь, я спущусь в кадры и попрошу, чтобы тебя направили на хорошее судно и, как ты хочешь, поскорее?..

-Нет, - сразу ответил Вовка. – У нас все равно всё по жребью.

С минутку помолчали.

-Ладно, у тебя работа, и народ сейчас повалит – я после загляну...

-Хорошо...

Только потом до поглупевшего Вовки дошло, что направление на хороший пароход не помешало бы и Сашке, но, отказавшись раз, он уже не мог вернуться с просьбой.

На первом этаже его ждали.

-Только что высовывалась кадровичка, сказала, что есть направления на один пароход: два матроса и моторист! – радовался Сашка вместе со штурманами, которые таки попали на одно судно вдвоем. – Давай монетку кинем?..

-Сашка, сегодня я согласен без жребия...

-Ладно, - толкнул Сашка друга, - оставайся со своей Мариной, а мы вечером на поезде ту-ту в Петрозаводск – там наш траулер стоит.

И он присоединился к штурманам, у окошка.

-Вовка, ну ты как? – заполучив направление, стукнул Сашка. – Штурмана в бичхолл зовут – отвальную делать...

-До обеда целых два часа – вдруг что будет...

-Да куда там!.. И так уже сегодня рекорд вышел – сразу три направления.

Вовка не очень-то верил в Бога, но в который уже раз ему пришлось убедиться, что он все-таки не совсем прав в этом сложном вопросе...

-Эй, ростовчане!.. Кто тут у вас последний остался?.. Панин!..

Вовка метнулся к окошку.

-Вот горячее направление на сейнер РС-1012 – он в порту стоит...

Вовка схватил твердый листок и чуть сразу не кинулся искать свой пароход.

-Стой, стой! – крикнули вслед. – Папку с бумагами для капитана захвати и прямо сейчас немедленно в порт!

Вовка взял папку, расписался в каком-то толстом журнале и только тут чуть приостыл.

-Пацаны, я шас...

В темпе заскочил в приемную. Марины не было...

-У начальника, - пояснила другая девчонка, – там совещание и Марина ведет протокол...

«Эх ты! - чуть не крикнул с досады Вовка. – Что же делать?.. Записку?.. Нет, лучше откуда-нибудь позвоню...»

Возле парадного подъезда он на всякий случай распрощался с ростовчанами и с Вероникой:

-Вдруг, как Тольку Абрамова, сразу на вахту запрут до завтрашнего утра... а вы в это время уже в Петрозаводске будете...

Море Баренца Сейнер РС-1012

Вовка, насмерть прижав к груди папку, чуть не кувырком вниз бежал в порт по той же самой дорожке, по которой совсем недавно ребята провожали и Тольку Абрамова, и Валерку Туманова.

Но на подлёте к проходной, он все-таки тормознул, немного отдышался и уже спокойно и деловито предъявил развернутое направление усатому старику с берданкой на верняка выпуска ещё прошлого века.

«Так... а куда же теперь?..»

Вовка завертел головой в обе стороны от проходной и, наконец, снова сунулся к старичку с берданкой.

- У них диспетчерская в ту сторону, - сразу откликнулся охранник, - увидишь белое одноэтажное здание – там написано...

Вовка, конечно, знал, что буквами РС всегда обозначают сейнеры, и поэтому не искал своего парохода среди огромных траулеров и плавбаз, которые высились на всём пути его следования. Шел он довольно долго и уже начал беспокоиться, что прозевал белое одноэтажное здание, но хорошо, что не успел дать заднего хода.

Диспетчерская Беломорской базы Гослова открылась между ногами огромного порталного крана. Снаружи возле неё никто не толпился и Вовка толкнулся в скрипучую дверь.

В небольшой и почему-то, несмотря на огромные окна, полутёмной комнате сидел за столом и глядел в окно с видом на море пожилой, несколько тучноватый диспетчер, а по комнате, демонстрируя крайнюю степень возбуждения, быстро ходил от стены к стене другой мариман невысокого роста, цыганистого вида.

- Я, наверное, к вам, - обратился Вовка к первому и подал ему папку с листками. Тот, бросив взгляд на содержимое папки, пробурчал:

-Нет, это к нему, - и вновь продолжил созерцать стоящие у причалов суда.

Второй, как оказалось, он и был капитаном РС-1012, схватил папку, быстро перешвырял бумаги и, уже убегая, бросил:

-А ты кто?..

-А я к вам, - протянул направление Вовка.

Кэп хмыкнул и, вернув направление, крепко выразился про чью-то мать, сидящую в отделе кадров. Но все-таки дал указание:

-Жди пока здесь...

Постояв немного рядом с молчаливым диспетчером, Вовка вышел на причал. Северное солнце было почти таким же ярким, как и на юге, но откуда-то тянуло холодком. Вовке в эти минуты было не до природы с её красотами, его внимание опять приковали суда большие и маленькие, и просто огромные, которые толпились у каждого причала по несколько бортов.

Не решаясь отойти далеко от диспетчерской, Вовка всё же попытался высмотреть РС-1012, но, сделав несколько оборотов вокруг порталного крана, судна с такими инициалами не нашёл...

Несмотря на будний день, жизнь в порту ключом совсем не была. На высоких и низких палубах изредка показы-

вались разморённые матросы, по причалу время от времени прокатывались машина или погрузчик, проходили небольшими группами и в одиночку разновсякие моряки в немислимых свитерах, тяжёлых сапогах, форменках, фуражках, беретах.... Чуть дальше порталый кран, занимался выгрузкой рыбы из трюма рефрижератора...

К началу второго часа ожидания, из дверей диспетчерской не вышел, а каким-то образом вывалился грузный диспетчер и, встав рядом с Вовкой, составил ему компанию.

-Покажи-ка направление, - услышал, наконец, Вовка.

-Так... значит, моторист...

-Да, с мореходки, - заторопился Вовка.

-У них моторист и третий механик где-то пропали... ещё до обеда должны были уйти... ты иди-ка на 6-ой причал – это туда, - кивнул он в сторону крана, - там найдешь...

Поблагодарив за добрый совет, Вовка, не мешкая, махнул в заданном направлении, и скоро действительно нашёл РС-1012 на указанном диспетчером причале.

На палубе небольшого судёнышка сновало с десятков человек, здесь же был и капитан, который, завидев Вовку, снова отчаянно выразился и крикнул кучерявому, плотно сбитому парню:

-Гриша!.. Готовь машину!..

Подозвав Вовку, взял у него направление...

-А ты что это – в штанах и рубашке?.. Личных вещей нет что ли?..

-Чемоданчик у меня в бичхолле...

-Бичхолл рядом – чтобы через пятнадцать минут был здесь...

И капитан пустился с той самой папкой в сторону диспетчерской, а Вовка через проходную к бичхоллу.

«Не придётся вечером ни с ребятами встретиться, ни с Мариной... но сейнеры обычно надолго не уходят... Сашку все равно теперь долго не увижу – они же в Атлантику собираются... Эх!.. Уйти бы тоже до конца практики...» – зигзагами сверкало в голове по быстрой дороге в бичхолл.

Но в номере, прощаясь с Мурманском, уже вовсю заседали ребята, а с ними и Вероника.

-Наконец-то!.. А мы уж и не ждали...

-А я дозвонилась Марине, - заторопилась Вероника, - сказала ей, чтобы после работы обязательно зашла сюда...

-И что Марина? – машинально отозвался Вовка, быстро сбрасывая в чемодан всякую галантерейную мелочь.

-Сказала, что придёт, и даже попробует отпроситься пораньше.

-Да я через полчаса в море ухожу!..

-Как?!.. - разом подскочили друзья. – Чего ты мелешь?..

-Сейнер ещё утром должен был уйти, но у них моторист где-то пропал, - повторил Вовка информацию диспетчера. - Вот меня и кинули на прорыв...

-Вот кому повезло, так повезло! – наперебой загалдели ребята. – И надо же – самому последнему из оставшихся... сам Бог велел раз так...

-Ладно, я чисто символически...

Вовке ни в какую не хотелось появиться перед новым начальством с душком, но и отказать друзьям принять стопку за такую удачу никак было нельзя.

Его дружно проводили до самой проходной, до которой и в самом деле было рукой подать. Наскоро попрощались, отхлопав виновника по бокам и плечам...

Только шагая до шестого причала, Вовка сообразил, что у него нет адреса Марины, а бомбить приёмную радиogramмами будет, по меньшей мере, нескромно. Да, если бы и адрес был, то в дом с родителями писать тоже...

«Ладно... при желании она всегда может узнать про мой сейнер и сама даст весточку, если сочтёт нужным...»

Вот и сейнер. Через минуту после него и капитан возник на палубе. Глянув на Вовку, тот винтом исчез в рубке, а ещё через десяток мгновений сейнер задрожал, отвязался от причала и, подергавшись с полчаса взад-вперед среди скученных судов, вышел на чистую воду Кольской губы.

Что до Вовки, то он так и стоял пока со своим куцым чемоданишком возле невысокого фальшборта, не зная, в какую сторону ему податься. На палубе никого не было...

Но скоро он решил не терять времени зря и, бросив под фальшборт чемодан, отправился исследовать свой сейнер. Ведь на нём ему теперь предстояло жить и работать и, возможно, не один и не два месяца подряд.

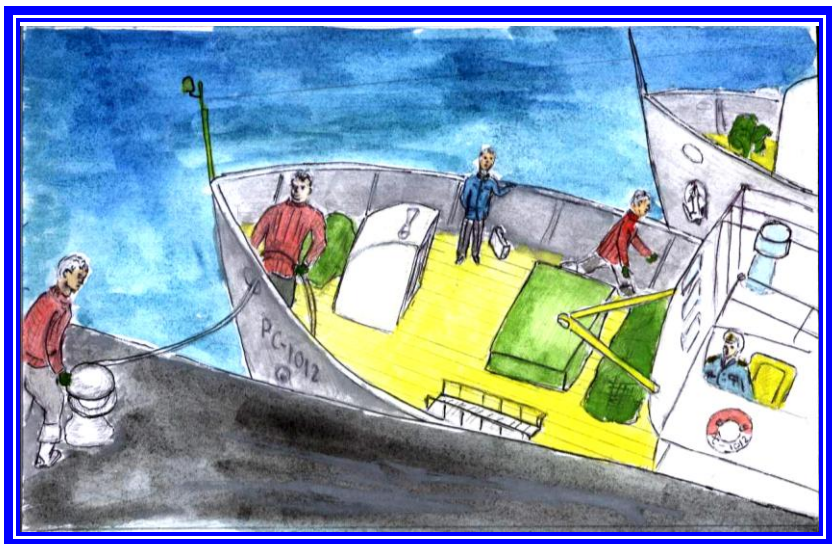
Длиной сейнер, на первый глаз, не более двадцати метров шириной и около шести-семи метров в самом широком месте, где находится главная надстройка.

В передней части палубы, иначе говоря, на баке, стоит брашпиль, который служит для выборки якоря. Сейчас он наглухо зачехлён брезентом, как и траловая лебёдка, стоящая

сразу под рулевой рубкой. За брашпилем из палубы торчала маленькая надстройка, показавшаяся Вовке знакомой.

«Вход в носовые кубрики... почти так же, как было на учебном «Седове», - догадался Вовка, - а больше здесь ничего похожего нет...»

Вовка все же засунул голову в носовой тамбур и увидел крутой трап, что подтвердило его догадку, но спускаться прежде времени не стал.

Задрав подбородок в сторону рубки, Вовка увидел в одном из прямоугольных иллюминаторов капитана. Он что-то выговаривал стоящему рядом всклокоченному парню. Через минуту парень вышел из нижней двери надстройки и хмуро прошёл мимо Вовки в тот самый носовой тамбур.

«Вроде как лишка поддатый – вот и состоялся невесёлый разговор с капитаном...»

Над главной надстройкой невысоко поднималась жиденькая мачта, утыканная топовыми фонарями и с красным флажком на конце. Сразу за мачтой красно-чёрная дымовая труба, по бокам которой пристроились две спасательные шлюпки.

Вовка прошёл дальше на звук машинного отделения и вышел на корму. Здесь, на площадке, разложены кучи сетей, на сетях вверх дном лежала маленькая шлюпчонка, над ней висел, как тоже догадался Вовка, сетевыборочный блок.

Из открытой двери на палубу выносился шум и легкий запах машинного отделения с работающим главным двигателем. Вовка заглянул и туда, но ничего не увидел. Ему очень хотелось спуститься в полумрак, но когда глаза его немного привыкли, он увидел возле двигателя того самого кучерявого парня, который хмуро взглянул вверх по трапу, чем сразу отбил Вовкино желание.

Рядом с входом в машинное отделение прилепилась вертикальная лесенка-трап, поднявшись по которой исследователь оказался возле двух спасательных шлюпок с жарко дышащей дымовой трубой между ними.

Сейнер шёл, всё дальше и дальше оставляя за собой порт, а за ним и весь город Мурманск. Вовка глянул на часы. Прошло всего-то не более получаса с того момента, как его шумно проводили ростовские парни с весёлой и симпатичной девушкой Верой- Вероникой.

«А Марина, может быть, и вправду отпросилась и теперь уже пришла к ребятам в бичхолл...»

В какой-то момент ему сделалось тоскливо и паршиво. Вдруг захотелось исчезнуть с этого серенького судёнышка, превратившись в маленькую птичку и перенестись в номер к своим друзьям, вместе с которыми, вполне возможно, сейчас и такая загадочная Марина...

Вовка спустился к своему чемодану.

«Не шибко здесь рады новому мотористу – практиканту, - совсем, было, затосковал Вовка. – Долго я ещё так буду толкаться?..»

Он твёрдо решил постоять ещё минутки три, а потом подняться в рубку к самому капитану.

-Эй, практикант!.. Заходи...

Вовка обернулся на шум. Из дверей главной рубки на него весело глядел взъерошенный толстяк, в котором любой, без всякой натяжки, узнал бы судового кока. Не заставляя долго себя ждать, Вовка перешагнул через высокий комингс, и оказался в небольшой кают-компании с двумя продолговатыми столиками, на одном из которых стояло нечто среднее между большой тарелкой и маленьким тазиком.

-Садись, ешь, - широко улыбнулся кок. – На пароходе поесть – первое дело. Голодный моряк хуже акулы – уж я-то знаю...

Пока Вовка расправлялся с борщом и куском мяса посередине, кок расспрашивал его и рассказывал сам. Татарин по национальности, он имел длинное и заковыристое имя и,

представляясь, сказал, что на пароходе все зовут его просто Вася или Васильич.

-Главное – быть человеком, а имена разные бывают, - продолжал добряк-кок, с чем Вовка, не колеблясь, согласился, отметив, однако, про себя, что кок для него всё-таки скорее Васильич, чем Вася...

-А вы из Татарии?..

-Да... из посёлка Бавлы. Только я давным-давно оттуда уехал...

-А я из Зеленогорска...

-Зеленогорк... - закатил глаза кок, - нет, не слышал про такой... а где это?..

-Около Бугульмы... двадцать километров...

-Так бы и сказал... я из Бугульмы на поезде сюда служить на флот приехал, да так и остался. Пятнадцать лет уже здесь...

«Всё равно земляк, хоть и из Бавлов» – решил Вовка, покончив с едой.

-Так что в любое время заходи на камбуз, - показал кок на дверь, затейливо украшенную раздаточным окошком. – Даже, если меня не будет, всегда что-нибудь найдёшь.... Но чтобы у меня был железный порядок! – наставлял Васильич повеселевшего Вовку.

Решив, что начало его судовой жизни вышло оптимистическим, Вовка вышел на палубу и обнаружил, что сейнер споро идёт вдоль скалистых берегов и что Мурманск «скрылся за кормой...». Стрелки часов клонились к вечеру, но кругом продолжались белые ночи, день тянулся бесконечно – время остановилось.... На палубе также никого не было и это усиливало ощущение одиночества и покоя. Лёгкая дрожь сейнера от работы главного двигателя не мешала тихому восприятию северного безмолвия...

Первая вахта

Сытую безмятежность нарушил парень лет двадцати пяти с небольшим, выпрыгнувший из носовой надстройки. Он был в форменке с внушительными нашивками, которые вполне соответствовали его шикарной мичманке с белым верхом.

-Стало быть, практикант? – скорее утвердительно, чем вопросительно, обратился он к Вовке. - Пошли со мной...

И он вновь окунулся в дверь носовой рубки.

Спустившись по крутому трапу, Вовка попал в кубрик, в котором вдоль борта и переборки размещались три двухъярусные койки.

-Твоя вот эта, - показал парень на одну из верхних. – А я стармех этого легендарного корвета... Фамилия моя Степанов, зовут Евгений... так что будем знакомы, - пожал он руку озирающемуся по сторонам Вовке. - Бросай свой гардероб – пошли в машину...

Снова пройдя через палубу и вдоль средней надстройки, они спустились в спокойно рокочущее машинное отделение.

В полумраке машины копошился тот самый парень по имени Гриша, которого он уже видел на палубе и потом, когда заглянул сверху. Назвавшись вторым механиком, тот спросил:

-Ты «букашку» видел?..

Вовка согласно кивнул, так как на учебном судне «Георгий Седов» в качестве главного стоял именно такой дизель немецкой фирмы «Букау-Вольф», повсеместно прозванный «букашкой».

-Значит, пуск-реверс знаешь... вон там расходный топливный бак – поглядывай... Следи, чтобы в баллонах давление воздуха всегда было для пуска двигателей... компрессор там, - махнул он рукой. – В общем, разбирайся...

Закончив, таким образом, вводный инструктаж, он неспешно поднялся вслед за стармехом, крикнув уже с трапа:

-Если что неясно будет – зайдёшь к нам!.. Каюта рядом по трапу...

...За всю двухмесячную учебную практику Вовке пришлось спускаться в машинное отделение бывшего рыболовного траулера не более четырёх-пяти раз, так что теперь было о чём задуматься...

Глянув на судовые часы, Вовка машинально отметил время –15 часов 45 минут...

«Второй сказал – до восьми вечера... ничего, как-нибудь перебьёмся – не война...»

И новый вахтенный моторист, усевшись на измазанную банкетку возле пульта управления, стал смотреть за стрелками приборов и ждать конца вахты. Скоро это надоело и Вовка, вспомнив, что стучащие клапаны на двигателе надо смазывать, отыскал маслёнку с журавлиным носом и два раза прошёлся вдоль бормочущего главного двигателя, поливая что-то торопливо клюющие коромысла. Снова сел, полистал

вахтенный журнал, в котором последняя запись была сделана вторым механиком буквами в раскоряку: «15-10-пх»...

«15-10-полный ход!» - догадался Вовка.

Машинный журнал - это серьёзный документ, в котором отражены все действия механика, связанные с переменной хода судна, зарегистрированы все команды с мостика, заносятся многочисленные параметры работы главных и вспомогательных судовых механизмов, фиксируются моменты приёма и сдачи вахт судовыми механиками.

Вовка посмотрел предыдущие записи и тоже написал: «Вахту принял моторист Панин». Также, ориентируясь на записи второго механика, сделал и остальные пометки в различных графах журнала. Времени на это дело ушло немного, и Вовка снова заскучал.

Наконец, он решил вплотную заняться исследованием машинного отделения, и отошёл от пульта управления, к которому, было, приклеился, ожидая каждую секунду команду с мостика.

По обеим сторонам главного двигателя, который глухо урчал в центре машинного отделения, стояли небольшие вспомогательные «чачики». В маркировке этих двигателей стоит большая буква «Ч» (от слова четырёхтактный) отсюда и название движков. Один из них крутился, обеспечивая все судовые нужды электричеством.

Вовка снова взял маслёнку и обильно полил клапаны работающего, а заодно и неработающего двигателей. В невысокой загородке он увидел вертикально стоящий пузатый бак, увешанный манометрами, термометрами и другими нужными приборами. «Котёл» отметил Вовка... и так он довольно быстро обошёл всё небольшое машинное отделение

Не с первой попытки, но ему удалось запустить компрессор, и теперь Вовка был спокоен: воздух для пуска и реверса главного двигателя у него есть. А вот с топливом дело обстояло хуже... с насосом-то он разобрался, но с задвижками – которая куда и откуда – ясности не добился. Однако, в указательном стекле топлива было ещё много и Вовка особенно не переживал, тем более, что приближался к концу четвёртый, последний час вахты.

Вовка, как мог, прибрался в машине и долго нетерпеливо поглядывал по машинному трапу вверх, пока до него не дошло, что его в восемь часов никто не сменит. Около девяти по машине раздался звонок. Вовка не сразу сообразил, что это телефон, но успел приткнуть его к уху:

-Машина слушает...

-Это капитан говорит... как ты там?..

-Да ничего... перекусить бы...

-Потому и звоню. Поднимайся в кают-компанию, там тебя Васильич ждёт...

«А как же вахта пустая останется?.. Ладно, капитану виднее...»

И Вовка поднялся, как ему было сказано. К обеденному борщу Васильич взгромоздил ещё две котлеты с картошкой, компот от пуза, да так, что потом Вовка еле поднялся из-за стола. Он ещё рубал, когда кэп спустился из ходовой рубки прямо в кают-компанию.

-Ты, Володя, не обижайся, что тебя вовремя не сменили... у нас это бывает, особенно по отходу их порта, – подсел капитан напротив Вовки с такой же большой тарелкой. - Наши третий механик с мотористом где-то загуляли, и отход проспали, хотя мы их и ждали до последнего... Вот и пришлось тебе за них отдуваться... Сейчас по радиации сообщили с берега, что третий нашёлся и подойдёт на попутном судне через денёк-другой. А беспутного моториста я списал, так что будешь с нами до конца своей практики, - продолжал капитан вводить в курс дела Вовку о его перспективах. – А насчёт стармеха и второго не переживай – они за тебя свой долг отстоят... там, у Дюбченко, в носовом кубрике, журнальные подшивки есть – сходи возьми... всё веселее будет. Только за машиной смотри повнимательней и держись – не спи...

Вовка молча слушал неожиданно длинную речь капитана и только изредка поглядывал на него, кивая головой, едва ли вникая в его слова...

Капитан, который так не понравился Вовке ещё в диспетчерской, оказался в доску своим. Сейчас на нём, вместо отходного кителя и белой рубашки с галстуком, натянут серый свитер грубой вязки – в таких свитерах бегала по палубе вся команда во время передвижек в Мурманском порту. Короткая причёска с волосами на бок, гладко выбритое смугловатое лицо и даже маленькие усики придавали ему почти мальчишеский облик, да и лет ему было не более тридцати...

Поблагодарив капитана и Васильича за доброе участие в его судьбе, Вовка спустился в кубрик, где на все голоса звенел весёлый храп кайфующих моряков. Выбрал одну из подшивок, стопку которых он заметил ещё до вахты на одном из рундуков. С ней он и провёл в машинном отделении следующие почти четыре часа полного хода, не забывая, тем не ме-

нее, поливать маслом клапаны и каждый час делать записи в журнале.

Читать тоже всё время не хватало интереса. Он уже давно приспособил невесть откуда взявшуюся в одном из углов старенькую телогрейку к тёплому боку работающего чайника. И теперь в тепле и неге отдался воспоминаниям и фантазиям, отложив подшивку в сторону.

«Ребята теперь уже давно в поезде и, наверное, дрыхнут без задних ног... Марина тоже дома и тоже, конечно, сладко спит...»

Вовка опять представил тихо спящую Марину с чёрными волосами на белой подушке в свете почему-то обязательного ночника...

Но... приснилась ему Надя. Она спустилась к нему в машинное отделение и сказала, что капитан разрешил ей стоять вахту вместе с ним. Надя взяла Вовку за руку, отчего вдруг сделалось страшно горячо и... Вовка проснулся, резко дёрнувшись всем телом. Оказывается, он навалился рукой на рядом идущую выхлопную трубу...

-Заснул!.. – в ужасе вслух закричал Вовка.

Но, глянув на часы, увидел, что в последний раз он смотрел на них ровно десять минут назад.

Но и за десять минут могло произойти всякое, и Вовка внимательно (в который уже раз!..) прошёлся по выверенному за несколько часов маршруту. Всё было пока в норме.

Клонилась к закату третья четырёхчасовая вахта. Время давно перевалило за полночь.

-Теперь уже явно до утра... - листал Вовка невидящими глазами страницы «Огонька».

Но топливо!.. Его уровень катастрофически снижался. Вовка ещё и ещё раз пытался определить на топливном коллекторе нужную задвижку... он знал, что пустые топливные танки заполняют балластом, то есть забортной водой, и боялся закачать воду в расходный бак - ведь это пахнет аварийной остановкой на долгое время!..

Что же делать?!.. Вовка вспомнил слова второго механика уже на трапе из машины.

«Придётся будить... получилось, что самостоятельно не смог вахту достоять...»

Но опять провидение.

Дзинь - дзинь!.. Дзинь – дзинь!.. – закричал, наконец, телеграф в пульте управления. «Средний ход» и тут же «Малый...». Вовка отвечал телеграфом, но замешкался со сборо-

сом оборотов и сразу ответил полным сбросом оборотов на команду «Стоп».

После «Стопа» почему-то был еще «Малый вперед», снова «Стоп», и опять «Малый»...

Но вот стрелка телеграфа размашисто прошлась туда-сюда по всей шкале, и надолго затихла в секторе «Стоп».

«Неужто всё...» - вяло обрадовался Вовка, записывая команды в вахтенный журнал.

Он ещё раз кинул взгляд на стекло топливного бака, в котором уже не просматривался уровень, механически терянул ветошью по головкам «букашки» и поднялся на палубу.... Тяжёлая тишина окутала и придавила смертельно уставшего Вовку.

Когда он огляделся, то увидел, что сейнер стоит, привязавшись к непонятно откуда взявшемуся в пустой тундре причалу. Прямо от деревянного настила начиналась то ли дорога, то ли тропа, которая терялась в невысоких сопках. На берегу одиноко торчал столб-указатель, на стрелке которого значилось: «На магазин».

-Ну, как самочувствие? – услышал Вовка

Вовка задрал голову – из большого иллюминатора рубки за ним наблюдал капитан.

-Нормально, - через силу бодрился Вовка.

-Поднимись-ка сюда...

Едва послушными ногами Вовка забрался в наштигованную приборами рубку сейнера.

-Прими-ка с устатку, - капитан протянул ему полный стакан. - И за начало твоей рыбалки - спать, как убитый будешь...

Вовка медленно, и почти не чуя вкуса, вытянул весь стакан дубового коньяка.

-Спасибо, - не забыл сказать Вовка, намереваясь спуститься на палубу.

-И всё-таки разок ты, вместо заднего передний ход дал, - чуть придержал его капитан. – Мало, не вдолбились... хорошо. что нет никого, а то было бы сраму... ладно, будем считать, что обошлось.... Но за телеграфом теряться нельзя что бы то ни стало.... Какой бы ни был капитан или штурман – всё его умение насмарку, если машина не в ту сторону сработает. Так что это такое ЧП можно простить только на первый раз, да и то потому, что обошлось без последствий...

Вовка не помнил, в какой момент он вместо переднего дал задний ход, но урок постарался усвоить и надолго.

Когда кэп отпустил его, он спустился в свой кубрик, в тихой полутьме забрался в койку и моментально заснул.

Пробуждение

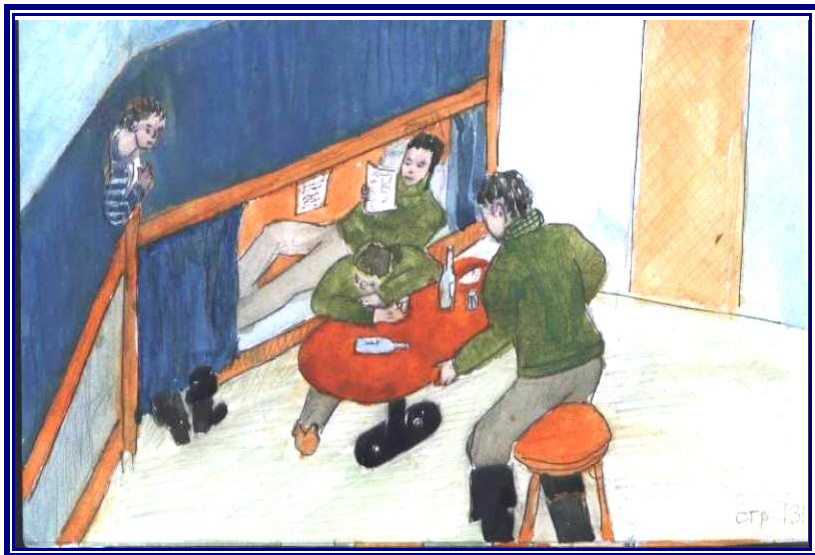
Проснулся Вовка от приглушённого гомона. Чуть отодвинув шторку, он увидел сидящих за столом трёх, пока незнакомых ему, человек. Они пили водку и мирно беседовали. Старший из них – ему было, на глазок, около сорока, говорил, что идти надо было совсем не сюда. В прошлый раз они хорошо брали возле Кильдина, и не мойву копеечную, а настоящую селёдку, а главное там и сдача без помех - все плавбазы там...

Сидевший напротив тот самый всклокоченный парень из рубки, в таком же свитере и сапогах, нехотя поддакивал, третий с копной седых волос при вполне молодом ещё лице, молчал, листая подшивку «Огонька». Пил он, как заметил Вовка, меньше своих товарищей, а скоро и вовсе завалился с подшивкой в койку. Тем временем за столом постепенно нарастали децибелы.

-Прихожу домой с морей, а этот тип сидит в моём кресле, в моих тапочках и смотрит мой телевизор... - плакси-во и с надрывом тянул тот, что был помоложе...

-Эх ты... пинжак штопаный... из-за таких, как ты и бабы навроде твоей разводятся. Были бы все мужики мужиками – и вовсе бы не было таких стервоз...

Они хмуро замолчали... снова выпили, наливая каждый себе. Вовка, вдруг, заметил, что выражение лица молодого из слюняво - плаксивого стало приобретать жёсткие формы, рот его сжался, Он медленно привстал над столом.

-Ты... бич териберский... я тебе сейчас покажу настоящего мужика - не посмотрию, что ты боцман...

Старший поднял упавшую, было, на стол тугую лысую голову:

-Ты что?.. Лишнего хватил?.. А ну, пойдём выйдем наверх...

Они схватились за свитера, и пошли, крепко обнявшись к трапу, яростно взглядывая друг на друга. Грохоча пудовыми сапогами, поднялись и громко загалдели где-то уже на палубе.

Вовку удивило, что лежавший в койке продолжал спокойно листать «Огонёк», не сделав ни малейшей попытки успокоить застольных друзей.

-Что, интересно?..

Он отложил журналы и, закинув руки за голову, уставился на Вовку.

-Они ведь там раздерутся после такого разговора... на-
творяют чего-нибудь.

-Не волнуйся... они наверняка сейчас под фальшбор-
том прикорнули или на неводной. У нас всякое частенько бы-
вает, - повторил моряк вчерашние слова капитана. – Так что
давай знакомиться – моя фамилия Дюбченко – помощник
тралмастера.

Вовка поспешил назвать себя и спросил о недавних за-
стольщиках.

-Который постарше – боцман Мордашов Павел Егоров-
вич, а помоложе – Лёшка Грибанов – матрос. Пока ты спал,
гонцы сбежали в магазин, набрали водки и теперь вот закан-
чивают очередную отходную. К вечеру уgomонятся, а там и за
работу пора браться...

Вовка глянул на часы - скоро на вахту, Он соскочил с
койки, по-курсантски быстро заправил её и, кивнув новому
знакомому, поднялся на палубу. Первым, кого он увидел, был
Грибанов. Тот спал на кусках дели под брашпилем, раскинув
далеко в стороны громадные сапоги. Боцман густо храпел,
зарывшись в кучу сетей на неводной площадке...

Рыбаки Замёт

Прошло три дня. Моряки давно подрыхлись и началась работа. Вовка, сдав очередную вахту второму механику, поднялся на палубу. Сейнер в который уже раз на день готовился рыбачить и, сбавив ход, снова лёг в дрейф. Лёгкий ветерок и волна медленно крутили его. Со стороны он, наверное, был сильно похож на зверя, изготавившегося к прыжку. Да так оно и было на самом деле.

По команде с мостика «Майна шлюпку!», боцман и тралмастер сбросили с неводной площадки шлюпочку с концами подборов, прыгнули в неё сами, и сейнер стремительно понёсся прочь от шлюпки. Глухо брякают капроновые поплавки кошелькового невода, скользящего с площадки в спокойную сегодня воду.

Описав громадный круг, сейнер резко, словно споткнувшись, встал возле шлюпки, которая подгрребла под борт, и боцман ловко забросил на палубу конец стяжного троса. Лёшка Грибанов завёл его на барабан туго скрипящей траловой лебёдки, и началось кошелькование – один из способов промыслового рыболовства.

Через несколько минут напряжённой работы, огромный косяк рыбы стянут в кошелёк. Балберы – поплавки, всё туже и туже сжимая кольцо, приближаются под борт к сейнеру, вода начинает закипать пузырями, плещась и лопаюсь серебряными искрами. Яркие поплавки всё ближе и ближе, внутри них уже сплошная кипень, а над кипящим кругом толпятся и кричат чайки, выхватывая рыбу, глотают её на лету и вновь пикируют за лёгкой добычей.

Наконец, тралмастер Озолс даёт команду «Стоп». Лебёдка останавливается и в дело вступает каплер – большой сачок с раскрывающимся низом. Рыба – на этот раз сельдь, заливается в трюм, а если он полный, то и в разгороженные досками палубные карманы. Когда кошелёк полностью

выбран, невод поднимают на площадку, шлюпку бросают рядом. Иногда шлюпка остаётся на привязи и собачонкой бежит за сейнером, подпрыгивая на высоких бурунах от гребного винта.

Тралмастера

Именно такими или почти такими представлял себе Вовка норвежских гарпунёров из прочитанной ещё в детстве книги о капитане Лигове. Он самый высокий и самый сильный человек в команде. Его лицо с крепкими губами, отороченное тонкой шкиперской бородкой почти всегда сурово и замкнуто со всех сторон. Одет он так же как и большинство из команды, но его свитер – это не просто рыжая спецовка, он связан искусными руками, видимо, где-то на его родине. В тон свитеру вязаная шапочка.

Старший тралмастер Озолс родом из Латвии.

И внешность его сильно подчёркивала именно прибалтийское происхождение вместе с характерным акцентом, который угадает любой. Но самым роскошным его украшением является широченный кожаный пояс со множеством заклёпок и завитушек, на котором в таких же красивых ножнах, болталась финка с наборной рукояткой. На этом же поясе разме-

щалось множество разнокалиберных игличек для вязки и ремонта неводов.

Во время между замётами и работой с рыбой, Озолс, вместе со своим помощником Дюбченко, раскладывали на свободных участках палубы куски деля, и сновали своими игличками так быстро, что уследить за их руками было просто невозможно.

Во внешнем облике Дюбченко нет ничего примечательного. Он примерно одного роста с Озолсом, но раза в два поуже и почему-то сутулится, от этого он почти всегда смотрит на собеседника исподлобья. Так же, как и Озолс, много не говорит, больше слушает, если есть кого и, главное, что....

Когда наступало личное время, что на сейнерном флоте возможно только во время поиска всё тех же рыбных косяков, он обычно лежал в своей койке и листал старые, неизвестно как попавшие на сейнер, огромные подшивки журналов. Редко поддерживал разговор или спор, в чём Вовка уже имел возможность убедиться на второй день рейса.

Однако, в нём угадывалась большая эрудиция. Если он что-нибудь говорил своим ровным голосом, то это воспринималось всеми, как окончательное и самое верное. К нему часто обращались по самым разным спорным вопросам, на что он отвечал, почти не задумываясь.

-Слушай, - задевал его боцман Егорыч, - и чего это ты, такой умный, середь нас толчешься?.. Пошёл бы в школу пацанов учить, а то на этой рыбе мозги только в спине останутся, а из головы выветрятся...

Но Дюбченко на такие слова никак не реагировал, В разговоре со стармехом Вовка как-то узнал, что Дюбченко лет пять назад преподавал в одном из Петрозаводских институтов и даже был зав кафедрой. Имеет учёную степень. Почему вдруг оказался на флоте, да ещё на самом весёлом в смысле тяжёлой работы – никто не знает. Скорее всего, семейная драма. Такие в море встречаются не так уж редко.

Боцман

На вид ему около сорока. Круглое лицо с глазами чуть навывкат, редкая бородка кустиками, огромная лысина, прикрытая вязаной нашлапкой, постоянно торчащий изо рта окурочок «Беломора». Он так мало соответствовал тому типу поморов, о которых уже много написано, и о которых Вовка так много читал.

Боцман всегда был среди команды и постоянно сыпал прибаутками, когда легко управлялся с шестипудовыми бочками или лупил колодой карт по носу и по ушам неудачливого соперника. Проиграв сам, находил такую смехоту, что экзекUTOR, заходясь в хохоте, не мог ни разу, как следует, зацепить выступы лысой головы.

В Териберке у него была жена с тремя «спиногрызами» и родители. Его отец только на седьмом десятке бросил ходить в дальние рейсы и теперь бригадирил в рыбколхозе на прибрежном лове. Два брата боцмана были такими же моряками, как и он сам. Младший из них – семейная гордость – окончил Мурманскую мореходку и плавал уже старпомом на больших траулерах в Атлантике.

На замётах основной задачей боцмана становится, по команде тралмастера, держать шлюпку с концом стяжного троса точно в том месте, откуда сейнер, разматывая невод, начинает обмётывать косяк. В остальное время он вместе с другими занимается общими работами, в которых каждому находится своё дело.

Кроме того, боцман является главным действующим лицом на палубе во время швартовок к высотным бортам плавбаз и перегрузчиков. Всё большое палубное хозяйство тоже принадлежит ему. Он мотается между кнехтами, браш-пилями и лебёдками, заводит концы, бросает выброску и между всем этим выкрикивает самые немыслимые словосочетания в адрес матросов, помогающих ему в этом ответственном деле, а то и в сторону рулевой рубки со штурманами и даже капитаном.

С боцманом Вовкины пути в течении рейса почти не пересекались. И жил он в другой каюте, и всё его хозяйство находится на верхней палубе, которая всегда и везде считается антиподом машинного отделения.

Маркони

Как-то, ещё в первые дни рейса, Вовка, выскочив из машины, как обычно подался в кают - компанию, где обедали боцман и... пока неизвестный вихрастый паренёк в больших очках и безрукавке, несмотря на совсем нежаркую погоду. Васильич подал из окна борща и второе, чем Вовка и занялся, пожелав приятного аппетита своим соседям, как учили курсантов ещё во время учебной практики.

-Слышь, маркони, - обратился боцман к пареньку, - скажи-ка что там слышно из Териберки?.. Как там мои спиногрызы с дедом рыбачат?.. Давненько я от них весточки не получал.

-Из Териберки с утра был большой привет, только почему-то не тебе, а Лёшке Грибанову, - невозмутимо ответил маркони. – А это что у нас за пополнение? – кивнул он в сторону Вовки.

-Надежда флота – курсант из Ростова-папы! – поспешил представить Вовку боцман.

-Будем знакомы – Николай – здешний радист и массовик – затейник по совместительству.

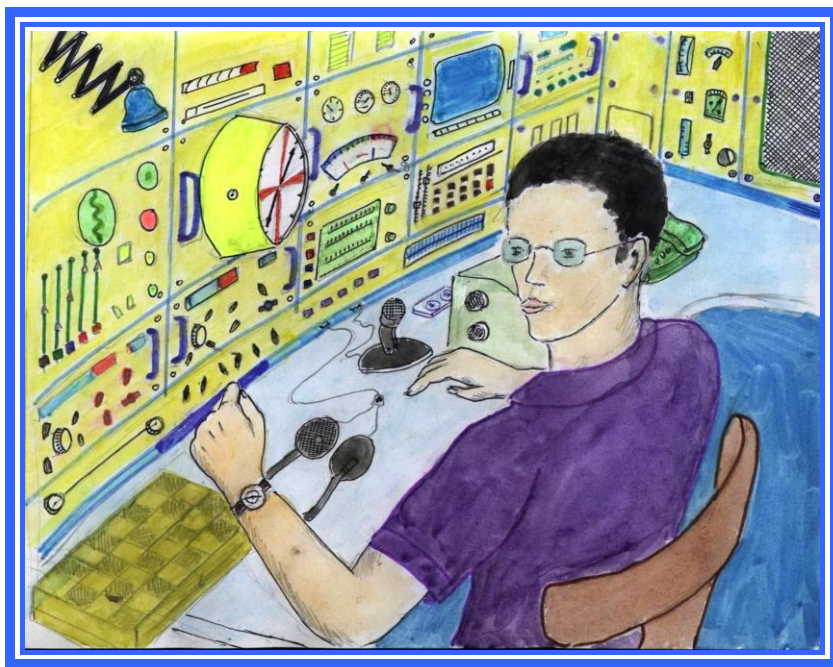
Почему массовик-затейник стало ясно вечером, когда в кают-компани собралась почти вся свободная от вахт команда. Маркони вытащил из своей каюты, которая одновременно была радиорубкой, громадный кинопроектор с почти велосипедными колёсами.

-Что будем крутить, джентльмены?..

-Всё подо-дряд...- выдохнул боцман, и колёса закрутились.

В рыбацком море нет других развлечений, кроме карт, домино и кино. Кино из них на самом первом месте. Какого-то жёсткого графика рабочего дня на малом рыболовном флоте нет - замёт может быть в любое время суток. А трал или невод за бортом не оставишь ради того, чтобы ровно в полдень пообедать.

Досуг получался только во время переходов из одного района промысла в другой или во время поиска, да и то не для всех. Ведь в рулевой рубке или в машинном отделении вахта торчит постоянно.

Но если уж получались свободные час-полтора, то обязательно кино и тут в дело вступает Маркони. А такое имя почти все флотские радисты получили в честь итальянца Маркони, который считается первым радистом в мире.

Чуть позже выяснилось, что у Вовки с Колей Янкиным есть ещё одна точка соприкосновения, кроме музыки и кино – шахматы. И теперь Вовка между вахтами, подвахтами и сном пропадал в каюте радиста, которому отлучаться из неё лишний раз было нельзя – можно прозевать важное сообщение.

Грозная надпись на стальной двери «Посторонним вход воспрещён...» на практиканта Вовку не распространялась. Капитан смотрел на такое нарушение терпимо.

Вместе с шахматами ребята слушали какую хочешь музыку, ловили на слух всякие радиостанции. Да мало ли что можно придумать в радиорубке...

Рыбмастера

Когда Вовка увидел их в первый раз, он прямо обалдел. Ему показалось, что у него двоится в глазах. Потом он подумал, что рядом сидят два брата - близнеца, но оказалось, что это не так.

Оба ниже среднего роста, ниже средней упитанности, оба альбиносы с прозрачными волосами и бровями, только у младшего шапка волос побогаче, чем у старшего. Сходство усиливала одинаковая оранжевая роба, в которую оба были наряжены. Именно яркая роба в сочетании с белыми пушистыми головами делала их похожими на странных птенцов, которые только что вылупились, и удивлённо взирают на окружающее.

Но сходство это было только чисто внешним. Старший – рыбмастер Паша Рыбкин (надо же – и с фамилией повезло) – отличался какой-то суетливостью, недержанием речи, любил себя часто стучать в грудь по разным поводам. Зато младший – его помощник Димка Перебоев – имел тихое прозвище «Сетевая моль», так как в свободное время он почти всегда уединялся на неводной площадке, развалившись на сетях, и мечтая о чём-то. Был он тих и улыбочив, и старался ничем не привлекать к себе лишнее внимание.

Между тем в работе оба они были одинаково неутомимы, будь то в трюме с сачком-лопатой во время перегруза, или на палубе при засолке бочковой селёдки...

Во время короткой стоянки в Сайда-губе, с Пашей Рыбкиным случилось ЧП. Вовка вышел из радиорубки, где заигрался с Маркони в шахматы, и подивился необитаемости палубы. Из ходовой рубки тоже никто не выглядывал. На трапе в свой кубрик Вовка нос к носу столкнулся с Лёшкой Грибановым

-Ты пока туда не ходи... там разбираются...

Оказывается тралмастер Озолс, в горячах, зашвырнул в открытый трюм Пашу Рыбкина, когда тот пытался приставать по пьяному делу к неразговорчивому латышу. А свежая рыба, залитая в трюм, штука такая, что в ней можно запросто утонуть, если вовремя за что-нибудь не зацепиться. Выручил Пашу стармех, кинувший барахтавшемуся Рыбкину канатную выброску.

Еле поднявшийся Паша являл собой и смешное, и печальное зрелище. Новый костюм, который он и купил-то в Сайде (потому и веселился), полностью покрыт с головы до ног рыбьей слизью и чешуёй и сам он весь был похож на чудо-юдо морское с головой мокрой болонки...

На шум вышел капитан, и теперь высокое судовое начальство разбиралось в причинах и следствиях. Озолс признал, что переборщил, мир был восстановлен и надёжно закреплён ещё парой штук белоголовой. В том же магазине Рыбкину снова купили точно такой же костюм.

Механики

Стармех на два-три года моложе капитана, но выглядел он гораздо внушительнее и очень эффектно. Раньше плавал вторым механиком на больших траулерах, но за какое-то

ЧП был разжалован, не смог вынести такой зигзаг в карьере и вовсе хлопнул дверью из большого флота.

Как бы опровергая шутливо-ироничное «маслопуп» (так иногда приבלатнённая палуба называет машинный народ), он всегда был в безукоризненной тужурке и высокой мичманке, сшитых, наверняка, в лучшем ателье города Мурманска.

Незаметные на первый взгляд отступления от общеустановленной формы, придавали его облику вид настоящего флотского аристократа. Даже в машину он спускался в том же виде и, если иногда приходилось что-то подшаманить, то не бежал к себе в каюту переодеваться, а часто вешал свою ослепительную куртку здесь же. Стармех тщательно закатывал рукава тонкого свитера, который всегда был будто только что из магазина, и крутил болты и гайки, лез внутрь многочисленных умных приборов и возился с ними до тех пор, пока основная работа не была выполнена.

Помогавший ему Вовка, всегда удивлялся способности стармеха оставаться после работы ровно таким же, каким он был до спуска в машину. Сам Вовка этим похвалиться не мог, всегда находилось несколько масляных и соляровых пятен на его физиономии, не говоря уже о рабочей одежде, которой снабдил Вовку в первый день рейса боцман.

В отличие от стармеха, у второго механика на этот счёт была своя точка зрения, и даже теория. Он различал два основных вида грязи: грязь техническую и грязь биологическую.

-Что такое грязь техническая? – разглагольствовал второй, стоя посередине машины и почёсывая мешковатый живот. – Это прежде всего всё то, что связано с нефтью... потом с красками, ну и ещё кое-какие вещества... эта грязь по своей сути благородна – на ней крутится весь технический прогресс.... Биологическая грязь – это совсем другое дело. Это вся дрянь, которую производит человек в результате обмена веществ... ещё животные, но животные не все... кто скажет, что пчелиный мёд – грязь?.. Так что, Вовка, технической грязи бояться не надо. Остерегайся биологической - от неё вся зараза по свету слоняется...

В душе Вовка был согласен со вторым, биологическую грязь он жутко брезговал в любых её проявлениях, но и по уши в мазуте старался быть как можно реже. Стармех, конечно, был более яркой фигурой для подражания.

Как и большинство моряков, Евгений Иванович многословностью не отличался. Его часто можно было увидеть на палубе одного о чём-то думающего, что-то вспоминающего. Все чувствовали и понимали, что стармех не приживётся в сейнерном флоте, что он, рано или поздно, вернётся на большие суда.

Почти у всех первое впечатление о стармехе было как о человеке высокомерном, даже презрительном, но Вовка ещё в начале рейса убедился, что это не так. После первой Вовкиной сверхдлинной вахты, стармех не стал прятать глаза в сторону:

-Ты не обижайся, что тебя вовремя не сменили.... Не рассчитал я что-то в этот раз. Да и тебе не надо было стесняться, а пинком разбудить... на будущее имей в виду, хотя даю слово, что больше этого не повторится...

Во время совместной работы в машинном отделении он расспрашивал Вовку о курсантской жизни, вспоминал свою, а окончил он Калининградскую мореходку и теперь заочно учился в Мурманской «вышке», о чём говорил, что тянет лямку только ради вертикального диплома, то есть высшего образования.

-А что касается грамотёшки, то прибавили, в основном, всякую политику и немного экономики... и вообще я давно заметил, что редкий институт даёт больше, чем обыч-

ная средняя мореходка. Заочники и вовсе не в счёт. Их даже полуфабрикатом назвать нельзя... - разговорился однажды стармех. - Не зря первые студенты в России пошли от морского дела. Морской флот всегда был и остаётся на две головы выше прочего.... Здесь свой личный болванизм за спиной ближнего не спрячешь. Каждый должен сполна и как следует делать своё дело. В недобрый час каждый борется за жизнь судна, а с ним и всей команды строго на своём месте и, если ты ошибся, часто твою ошибку будет исправить уже некому, в том числе и тебе самому...

-У лётчиков, пожалуй, не легче, - помолчав, заметил Вовка.

-Здесь ты прав... но, если говорить об ошибках, то лётчик и вовсе редко успевает осознать, где он её допустил... ведь воздух держит гораздо хуже, чем вода...

Как-то, при очередной совместно работе, Вовка осторожно спросил:

-Евгений Иванович, я вижу, что со вторым у вас отношения не очень... хотя и живёте в одной маленькой каютке... что он за парень?..

-Уж больно глаз у тебя острый... в целом-то он парень неплохой, но со странностями. Водку вроде бы пьёт даже больше, чем я, а в другое время молчит как сыч, и в угол смотрит, как старовер какой или баптист – таких здесь на побережье много.... Так что у нас ним всё нормально, просто у него такой странный характер...

В заведование второго механика на всех судах всех флотов от мала до велика, входит главный двигатель, и много ещё чего по мелочи. Но от надёжности именно главного двигателя, прежде всего, зависит живучесть корабля и всех на морях и океанах. Остановись двигатель даже при малом шторме, шансы на благополучный исход рейса стремительно падают. Но Вовке до заведования главным двигателем было пока далеко, и сейчас он целиком и полностью полагался на опыт своих старших товарищей...

Морские передряги Первый шторм

Вовка проснулся не оттого, что его разбудили, как обычно, на вахту, а оттого, что кто-то во всю мочь лупил по бортам сейнера. Из-за ударов сейнер валяло с борта на борт и с носа на корму. Вовкино тело в согласии с движениями судна тоже перекатывалось с одного конца койки на другой, то наваливаясь на подушку, то скатываясь к ногам.

«Однако, штормит...» - солидно сообразил Вовка и, посмотрев на часы, прыгнул с койки. И тут же едва не растянулся на ожившей вдруг палубе кубрика, еле успев ухватиться за коечную стойку.

-Так и башкой куда-нибудь можно трахнуть, - одевая одной рукой Вовка при свете из своей койки, продолжая держаться другой за стойку.

Пора и в самом деле вставать – скоро на вахту. Вот уже лязгнула дверь тамбура – второй идёт будить...

Вовка вышел навстречу. На трапе в узеньком тамбуре его шмякало по переборкам, словно он был кусок теста, а не вполне живой человек.

Наверху рвало и метало. Ключья пены катались по палубе, волны дыбили сейнер, били его по скулам, вздымаясь, почти накрывали судёнышко с головой, которое, отфыркиваясь, словно морж, стряхивало с себя воду, чтобы тут же вновь вернуться в пучину. Над беснующейся поверхностью моря ревела смесь из озверевшего ни с того, ни с сего ветра и высоко вскинутой прямо из воды тучи брызг. Брызги ударили в лицо и уши, мгновенно прошили спецовочное хэбэ, набрякли в бровях, волосах, струились за шиворот и в подмышки, набились в стоптанную вахтовую обувь.

Неба над головой не было, берега, вдоль которого должен был двигаться сейнер, тоже не было. Море всё больше и больше набирало шипения и свиста, всё больше выпучивало своё тело и казалось, что вот сейчас, через минуту, две стихии, смешаясь, превратятся в сплошной ревуший и кипящий ураган, который закрутит в штопоре сейнеришко с кучкой бедолаг, поднимет повыше и шмякнет с размаху либо во дно морское, либо в скалы прибрежные, либо перемелет в щепки и развеет по странам света.

«Откуда всё это берётся? – промелькнуло у Вовки на счёт свиста, шипения и воя. - Так и смыть может... надо пробраться вдоль фальшборта...»

Впереди, обеими руками цепляясь за планширь и перебирая по нему руками, рывками двигался второй, то и дело пережидая волну. От надстройки с тамбуром до фальшборта была натянута верёвка – специально на такой случай, за которую Вовка и зацепился...

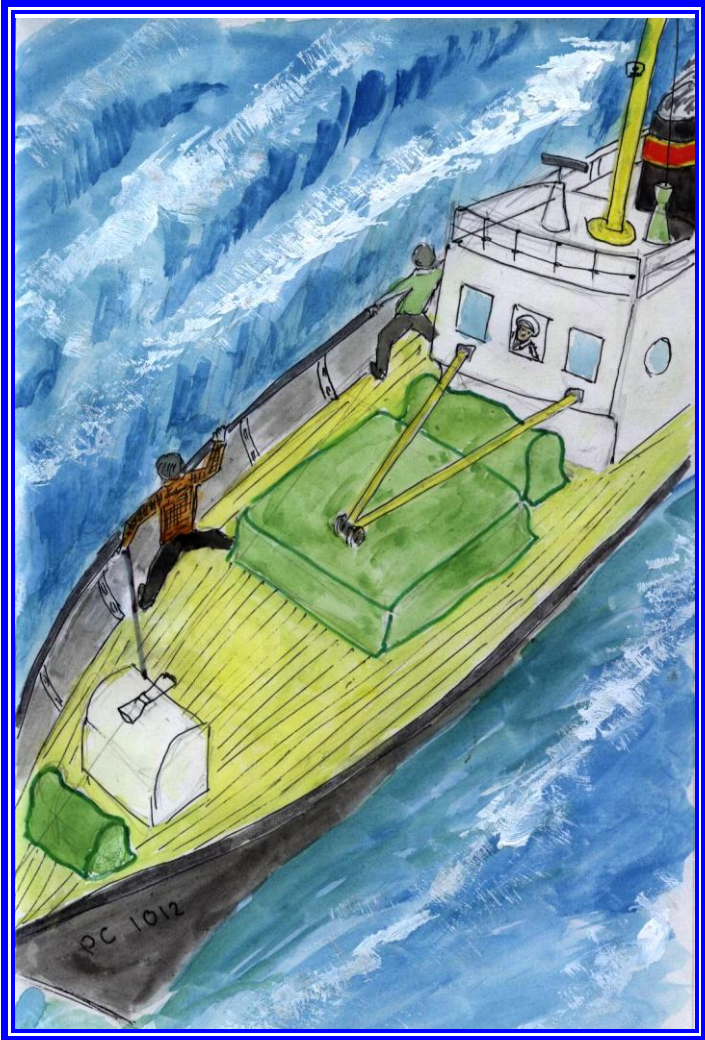
Скосив глаза кверху тучу брызг, он увидел, что из ходовой рубки за ним настороженно наблюдает капитан.

-Володька!.. Смотри веселей, держись крепче и не зевай!.. Сегодня ещё не самое страшное, что у нас бывает! - донеслось через палубу...

Замирая при падении сейнера и двигаясь только тогда, когда сейнер выгребал на самый гребень волны, Вовка дотянулся до главной надстройки, и скоро спустился в машину, немисливо вихляясь между поручнями крутого трапа. Гриша – второй уже расписался в журнале и, ещё раз кивнув Вовке, подался вон...

Внизу было всё-таки спокойнее, чем на палубе. Борту машинного отделения тоже ухали в ответ на удары волн, но гораздо спокойнее и сдержаннее, чем в носовом кубрике. Размеренный говор двигателей успокаивал, им – двигателям было начхать на буйство стихии, они подчинялись только заданному им ритму. Правда, моментами главный двигатель вдруг резко набирал обороты, через секунды вновь входя в режим. Позже Вовка догадался, что это происходит во время оголения гребного винта, когда сейнер выплясывал на особо больших и крутых волнах.

В обязанности Вовки, как моториста, кроме много чего прочего, входила помывка масляных и топливных фильтров, и он скоро за это принялся. Вскрыв отработавшие фильтры Вовка высыпал набор сетчатых дисков в соляровую ванну,

придвинул поближе брезентовую банкетку и, усевшись, начал шоркать щёткой по дискам.

Солярки в глубокой ванне было на донышке, но сейнер с носа на корму кидало так сильно, что она то и дело выплёскивалась на Вовкины тапки и стальной рифлёный настил в машине. Банкетка вдруг сорвалась с места, и поехала вместе с Вовкой подальше от ванны. Проехав метра три, остановилась, и Вовка вернулся.... Но скоро банкетка вновь сорвалась и заскользила по плитам. И так раз за разом.

Со временем Вовке надоело самому каждый раз возвращаться назад, и он стал дожидаться обратного хода, который и доставлял его аккуратно к рабочему месту. Это ему даже понравилось и, помыв фильтры, он тихо развлекался таким образом до самого конца вахты, направляя ожившую банкетку в разные углы машинного отделения.

Море бушевало полдня, может, чуть больше. К вечеру ветер умирался и стих. Наверху появились облака, всё ещё быстро бегущие навстречу сейнеру. Но бег их постепенно сбавил скорость, волна превратилась в мёртвую зыбь, которая продолжала валять судно с носа на корму и с борта на борт. Это не раз вызывало приступы тошноты и рвоты, но Вовка

вытерпел, и подавил в себе квакающее желание перегнуться через фальшборт.

В машине уже давно хозяйничал стармех и Вовка, постояв ещё немного на свеженькой, чисто отдраенной волнами и ветром, палубе, спустился в свой кубрик, где матросы и мастера дулись в козла.

-Что, покрутило маленько? – повернулся к нему Дюбченко, который в домино не играл, а, по своему обыкновению, листал подшивку в койке.

-Да, было дело... и часто так заворачивает?..

-Летом не так часто... зимой вот то и дело продувает, да ещё крепче. И ещё обледенение корпуса, а это пострашнее самого шторма.

«Никто и не думает, что море – это речная прогулка вдоль пляжа...» - пробормотал себе в нос Вовка, забираясь в койку на втором ярусе...

Перегруз

Вовка привычно вымерял расстояние вдоль главного двигателя, когда заскрипел телефон.

-Швартоваться к плавбазе будем через десять минут, так что смотрите там! – прокричал из снятой трубки капитан.

В машину спустился стармех, который хоть и доверял Вовке, но в ответственные минуты почти всегда был рядом.

-Перегружаться будем... весь трюм у нас забирают – это хорошо, - выдал он дополнительную информацию.

Стармех стоял возле Вовки, пока тот работал рычагами реверса и пуска двигателя, успевая за командами с мостика, и ни разу не встрял, хотя и внимательно наблюдал за Вовкиными манипуляциями.

«Хорошо, что доверяет, - про себя благодарил Вовка. – А то можно и век не научиться...»

После полной остановки стармех отправил Вовку наверх, а сам остался «крутить» регулятор оборотов.

На выходе из машины Вовкин взгляд сразу упёрся в чёрную поверхность борта плавбазы. Её громада вздымалась рядом с сейнером до самых небесных высот, плотно зашторив всё, что было за ней. Задрав голову выше макушки, Вовка заморожено смотрел, как высоко вверху, на фоне облаков, шевелились тараканьими усами стрелы лебёдок, доносились крики «вира – майна!», взмывали вверх и опускались огромные железные бабьи с рыбой.

Почувствовав, что его дёргают за рукав, Вовка, наконец, закрыл рот и очнулся на своей палубе. Возле него в заскоружной робе из прорезины, заляпанной чешуёй, слизью и ещё чем-то мокрым, стоял Паша Рыбкин.

-После рубона на пару с Губановым в трюме – два часа подвахты...

Забросав полпротивня пареной в пергаменте мойвы (вкуснота необыкновенная), Вовка получил от Рыбкина огромные оранжевые штаны и куртку с капюшоном из негнущейся прорезины. Вдобавок, что-то вроде сачка-лопаты. Обрядившись в обнову, он вышел к трюму, возле которого уже стоял Губанов в такой же робе и с такой же лопатой, приноравливаясь к спуску.

...Вася Губанов – тот самый третий механик, из-за «пропажи» которого совместно с мотористом Вовка случайно попал на РС-1012. Он больше десяти суток блудил по Баренцеву морю с парохода на пароход, пока не вышел на свой родной. Теперь он исправно стоял положенные вахты и жил в одном кубрике с Вовкой...

В трюме, почти доверху залитом мойвой, Вовка и Губанов нацепили на высокие рыбацкие сапоги плетёные рыбоступы, чтобы не утонуть в рыбной массе и, встав с обеих сторон бады, стали наваливать в неё мойву.

Первые же минуты работы подтвердили правильность распространённого мнения о нелёгком рыбацком труде. Очень скоро сачок-лопата стал прибавлять в весе, руки в локтях, казалось, вот-вот хрустнут и сломаются пополам. Тупая усталость постепенно добралась до плеч, а оттуда скрутила и шею. Вовка изгибался всем телом, поднимая сачок, размерами скорее похожий на лопату для уборки снега, до верха бадьи, которая была вровень с Вовкой ростом. Вдобавок ко всему вдруг начинала тонуть нога вместе с рыбоступом. Тогда Вовка бросал сачок, хватался обеими руками за ближайший пиллерс или шпангоут и вытаскивал утонувшую ногу. Тем временем теряла точку опоры другая нога и борьба за живучесть продолжалась.

Вовка поглядывал на Губанова, но тот был невозмутим, как заведённый робот. Сказывался опыт.

Коротких промежутков, когда полная бадья улетала вверх и до прибытия пустой, едва хватало, чтобы просто перевести дух.... К концу первого часа сумасшедшего темпа Вовка перестал вовсе чувствовать и ноги и руки.... Но он знал, что существует второе дыхание и был уверен, что оно к нему придёт. И не ошибся, потому что к тому моменту, когда сверху крикнули: «Вылезь!», Вовка снова почувствовал своё тело, сачок приобрёл терпимый вес, и теперь он уже несколько не отставал от своего напарника – третьего механика Васи Губанова.

После смены, а сменили их тралматера Озолс и Дюбченко, они, хлебнув по кружке какао вприкуску с чем-то, спустились в кубрик и забрались в койки.

-Ну, как самочувствие на первый раз? – спросил снизу Губанов.

-Как ни странно – терпимо.... хотя поначалу шибко тяжко было...

-Ничего... нам с тобой уже тем хорошо, что до пенсии ломить не придётся, - сонно промышчал Губанов, отворачиваясь к переборке, и замышляя прикорнуть оставшийся часок до вахты.

-Как это?! – вскинулся Вовка, - Раньше времени копыта отбросить собираешься?..

-Книжки читать надо, дурень... или хотя бы газеты. Ты что – забыл, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.... А мы кто?.. Разве не нынешнее поколение?.. Осталось-то всего десяток с небольшим годов, а там ложись и плюй в потолок...

-Весельчак ты, однако...

-А что - не веришь? – Губанов сел в койке. – Программу партии ещё никто не отменял и отменять не собирается, а там чёрным по белому... так что...

-Слышь, товарищ Губанов, а ты какую мореходку кончил? – спросил Вовка, не желая больше распространяться о светлом будущем, которого со дня на день ожидал Губанов.

-А не кончил я мореходку.... Рижскую... уже с четвёртого курса гон дали...

-За что?!..

-За неё, за политику.... Как-то раз преподаватель-экономист рассказывал, что в развитых капстранах в наше время рабочий работает не больше нашего, может иметь хорошую квартиру или даже дом, машину и не одну, и так далее.... Но главное: остаётся эксплуатация человека человеком, за счёт него и многих других рабочих получает сверхприбыли капиталист...

-Ну и дальше, - зевнул Вовка.

-Я и ляпнул: согласен, мол, на такую эксплуатацию, если у меня от этого будет машина, квартира и всё остальное... Больше часа со мной после этого замполит в своём кабинете беседовал. Уяснил я вроде, но, будь она неладна, ещё одна катавасия со мной приключилась...

-Рисковый ты парень... что же дальше?..

-Картечь знаешь что такое?..

-Знаю... перловка.

-Так вот... как-то заладили у нас и в обед, и в ужин эту самую картечь. Да на целую неделю.... Ну, и наша рота механцов открыла галдѣж, и в полном составе отказалась от очередного обеда с картечью... тут же и начальник ОРСО, и замполит прибыли.... Сам не помню, как я перед ними нарисовался... стал митинговать, требовать...

... Вовка слушал и думал, что и в его мореходке было всякое. Правда, дальше командира роты их буза никогда не выходила. Теперь он понимал, что это было возможным только благодаря дипломатическим способностям командира, иначе и у них полетело бы много горячих голов. Чего только стоили драки с гражданскими, в которых иногда участвовали до сотни курсантов одновременно....

-Вот и все дела... - продолжал между тем Губанов. – Так и не состоялся из меня моряк заграничеплыва. Наверное, мне с моей натурой надо было родиться лет на сто раньше – глядишь, вышел бы из меня какой-нибудь Кибальчич или...

Софья Перовская. А механик я потому, что уже здесь закончил краткосрочные курсы, и получил маломерный диплом... Ты что – заснул?..

Губанов воткнул ноги в сапоги и тихо вышел, аккуратно прикрыв за собой железную дверь в тамбур.

Вовка не спал. Он думал о судьбе неблагонадёжного Губанова, которого бдительное начальство испугалось выпустить за границу из-за перловой каши...

Зелёная конференция

По кубрикам и палубе моментально разнеслось: идём сдавать рыбу в Порт-Владимир. Вовка никогда не слышал про северный порт с таким громким именем, но с нетерпением ждал чего-то необычного, интересного. Порт, да ещё его имени...

«Интересно, в честь какого Владимира назвали этот порт, - так и эдак прикидывал Вовка, вспоминая известных людей с таким именем. – А может в честь древнего города Владимира...»

Но на причале и берегу не оказалось чего-то древнего, вроде крепостей или соборов. Невдалеке от причала просматривалось всего несколько бревенчатых портовых строений, в сторону которых сразу направились капитан и Паша Рыбкин искать портовое начальство, чтобы договориться о выгрузке. Остальные рыбаки, кроме вахтенных, занялись кто чем, а двое-трое матросов, механик Вася Губанов, рыбмастер Димка Перебоев придумали сойти на берег и «поискать удовольствий».

Вася Губанов, несмотря на лёгкую полноту, ловко спрыгнул с борта на деревянный причал. Матросы с Димкой за ним, Вовка решил не отставать. Он, конечно, не собирался искать удовольствий, да и какие удовольствия можно найти в самой настоящей северной тундре. Но твёрдая земля под ногами всегда привлекает, если ты даже побывал в море всего-то несколько суток?..

Земля в Порт-Владимире началась прямо от причала небольшим пригорком, на который взбиралась разбитная дощатая лестница. Перила и плахи лестницы весело раскорячены в разные стороны. С пригорка открывался вид на небольшой посёлок...

Порт-Владимир был разбросан по склонам невысоких северных сопок. Улицы угадывались плохо: одноэтажные и

двухэтажные деревянные дома возникали из упругого ярко-зелёного тундрового покрова в самых неожиданных местах.

Вдоль домов и между ними зигзагами протянуты чистые и тоже дощатые тротуары. Они придавали посёлку удивительную домашность, превращая его в один большой двор, в котором, казалось, живёт одна большая семья.

Чуть повыше жилых домов узнавался сельский клуб, несколько дальше продмаг, к которому уверенно направился Губанов.

-Что будем брать, джентльмены? – ткнул он на полки, где, в общем-то, стояла одна водка, правда, с разными наклейками.

Губанов выбрал водку поярче и подороже (или мы не моряки!..), а в придачу банку зелёного салата, Матросы и Димка пошушукались и что-то взяли. Вовка тоже внёс свою лепту, но он сошёл на берег не для того, чтобы пить водку – он был равнодушен к этой общечеловеческой болячке. Но чувство стадности влекло его вместе со всеми.

Губанов также уверенно залавировал между валунами – осколками и свидетелями далёкого ледникового периода. Скоро друзья вышли на небольшую уютную полянку, устланную плотным зелёным ковром из северного мха, который, правда, местами был несколько примят.

-Вот она – зелёная конференция! – провозгласил Губанов, который становился явным лидером предстоящего мужского общения.

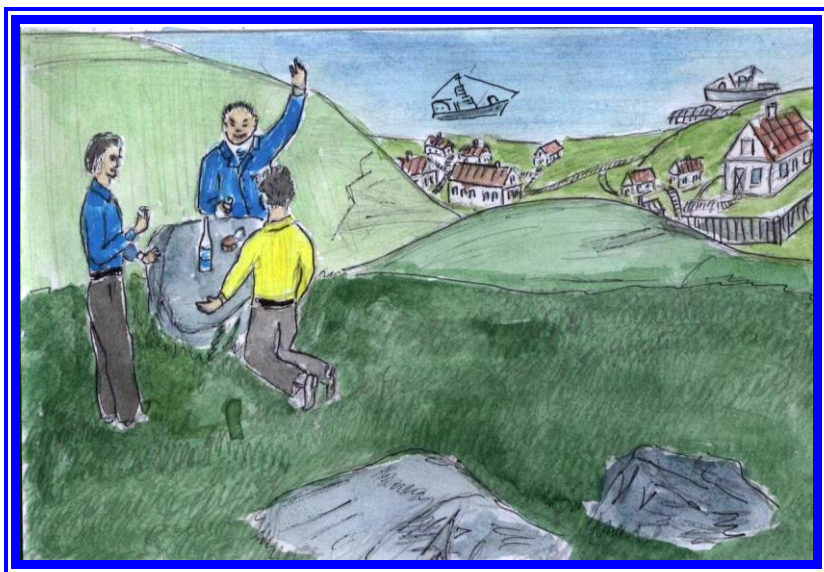
Расположились возле почти ровной каменной плиты, где быстро организовали самобранку.

-Ну!.. За неё – за удачу! – громко вздохнув, провозгласил Губанов и привычно расправился со своим складным стаканчиком из кармана.

Раньше, ещё в училище, Вовке, конечно, приходилось выпивать с друзьями в многочисленных кафе на Донской набережной и дома во время летних и зимних отпусков. Поэтому он также, не дрогнув, принял из рук Губанова складную порцию. О Димке, который уже год работал помощником рыбмастера после окончания техникума, и говорить нечего. Бутылка разошлась в два приёма...

-На этом месте побывало не одно поколение «водоплавающих» возле этих берегов, - продолжал Губанов застольный разговор. – Во время перегрузов в здешнем порту на этой поляне стыкуются лучшие кадры нашего сейнерного флота –

от матросов до капитанов. Матросы здесь мечтают о будущих заработках, прикидывают послерейсовые планы, просто травят всякую баланду. Капитаны, штурмана, тралмастера – о банках в Атлантике, сплошь забитых косяками сельди и другой ценной рыбы, промывают кости начальству, которое шагу не даёт ступить. Механики – о дефицитных распылителях... Место это так и называется – «Зелёная конференция». Такие «конференции» есть во всех больших и малых портах. Называются они, может, по-разному, но смысл и назначение у них одно – всеобщее флотское взаимоотношение...

Губанов резко замолчал, сделав строгое и серьёзное лицо. Осмотревшись, Вовка заметил:

А смотри-ка... Говоришь, что много народа здесь бывает, а кругом чистота – ни мусора, ни бутылок не валяется...

-Мусор и всё остальное тут никто не бросает, а если и появится какой-нибудь кент, то всегда найдётся, кому направить вахлака на путь истинный.

Вовка заметил, что Губанов разливает по второй.

-Ребята, я пас! – пружинисто подскочил он.

-Что так, а ещё ростовский! – засмеялись вокруг. Даже молчун Димка Перебоев что-то вякнул.

-Зашился я... ещё в Ростове... так что прошу меня понять правильно...

-Ладно, уж, - правильно понял Вася Губанов своего коллегу.- Ему на вахту через час...

Вовка оставил тёплую компанию, но пошёл не в сторону посёлка с лестницей в порт. Через минуту его догнал Димка.

-Ну, её, эту водку... надо хоть в рейсе от неё отдохнуть... домой вернёмся – ещё надоест...

Вовке везло на приключения.

-А ведь олени! – вдруг вскрикнул он.

-Где? – очнулся Димка.

Видимо он всё же хватил, перед тем как удариться за Вовкой и сейчас кемарил на ходу.

-Да вон!..

-Батюшки! – по-бабьи всплеснул руками Димка. – Лето ведь, а он на нартах рассекает...

Вовка тоже сильно удивился, когда упряжка подъехала ближе. Правда, сказать подъехала – это не совсем точно. Как правильно сказать – на лыжах ездят или скользят?.. Скорее, всё-таки скользят. Вот так и к нашим ребятам оленья упряжка «прискользила». На телеге никаких колёс!.. А ведь на дворе август – в тундре лето. И никакая это не телега, а самые настоящие нарты...

И упряжка подъехала вовсе не к ребятам с широко разинутыми ртами, а просто проскользнула мимо. Но всё же встреча людей в тундре – событие нечастое и нарты остановились. Вовка с Димкой кинулись к упряжке.

Каюр с достоинством стоял возле своих оленей и поджидал первых встречных.

-Никогда не видел, чтобы летом ездили на нартах, - первым начал разговор Вовка.

По правде говоря, он не только нарт не видел, но и живого оленя с каюром видел первый раз в жизни.

-Да и я нечасто вижу в тундре таких людей, - неожиданно на чистом русском ответил каюр. – Вы, наверное, из Владимира?..

-Не то, чтобы из Порт-Владимира, просто мы здесь рыбу сдаём...

-Я это сразу понял - всех местных я в лицо знаю...

А Вовка, как это часто с ним бывает:

-Прокатили бы. В жизни на оленях не ездил...

-Как раз в порт еду, садитесь...

Познакомились. Как оказалось, Иван Тонгатов был зоотехником из местного оленеводческого хозяйства и в порт приехал по вопросам снабжения. – А вон наши! – неожиданно громко возопил Димка. – Вон, возле клуба...

Оленья упряжка лихо скользнула до клуба, возле которого была и контора, нужная зоотехнику. Распрощались.

Подлетел хорошо весёлый Вася Губанов.

-В оленеводы переквалифицировались?!.. А мы в кино билеты взяли!..

«Вот народ, и водку ему подавай и в кино с полным нашим желанием...» - искоса глянул Вовка на Губанова.

После кино времени было ещё навалом, и неугомонный Вовка снова предложил забраться куда повыше и глянуть на окрестности. Но Губанов с Димкой заявили, что они лучше горы обойдут, потому что умные, а Вовка, если так хочет, то пусть прямиком лезет на любую, даже самую высокую, гору.

-Ладно, я всё-таки залезу...

Вовка полез наверх. Вот где простору-то.... Что вниз, что вверх – всюду безграничная бесконечность вместе с неопишуемой красотой.

Осмотревшись с высоты, он увидел прямо напротив большой полуостров, выходящий далеко в море. В этот момент он и не догадывался, что это и есть легендарный Рыба-

чий, про бои на котором он столько читал и в детстве, и гораздо позже.

Северная природа не располагает к бурному проявлению чувств, не пьянит воображение, как это бывало совсем недавно на юге. Север способствует сдержанности, приглушает эмоции, настраивает на спокойное восприятие окружающего, на тихую задумчивость...

Вовка думал, что самые глубокие соображения о вечных вопросах могут прийти только здесь, только здесь человек так остро осознаёт Природу и себя в ней...

Казалось, что сам великий, всеобъемлющий разум был распространён вокруг - он возникал, наплывая ниоткуда, пронизывая всё живое и неживое... Вовка, наконец, понял, что это от тишины. Именно она была до краёв разлита вокруг... тихое бормотание лёгкой морской волны с прибрежной галькой лишь усиливало это чувство....

Поймав за хвост смысл северной тишины, Вовка спустился к сейнеру, а здесь полным ходом шла выгрузка, а вернее, откачка рыбы из трюма. Вовка впервые увидел рыбонасос, который лихо заглатывал пульпу из воды и мойвы, направляя её дальше по трубе прямо в стену рыбного склада.

Следила за работой насоса совсем молоденькая девчушка, она была одета в яркую нейлоновую курточку и брюки, светлые волосы слегка прикрыты оранжевым беретиком, на ногах маленькие зелёные сапожки. Девчонка держала в руках тетрадь и то и дело в ней что-то отмечала. Около неё вяло крутился Димка, не захотевший вместе с Вовкой лазить по сопкам, и теперь его прикомандировали к ней представителем от команды. Но основной его обязанностью стало лить воду в приёмный патрубок насоса.

-Ой!.. А это кто такой?..- повернулась девчонка к Димке. - Ваш что ли?..

-Наш... практикант из Ростова...

Вовка присел на планширь, приготовившись слушать разговоры о себе.

-А я только в прошлом году была в Ростове.... Там моя двоюродная сестра живёт, - не по-северному быстро затараторила девчонка.

Всё так же нарочито сурово молчавший Вовка пригляделся к ней.

-А что это ты так смотришь?..

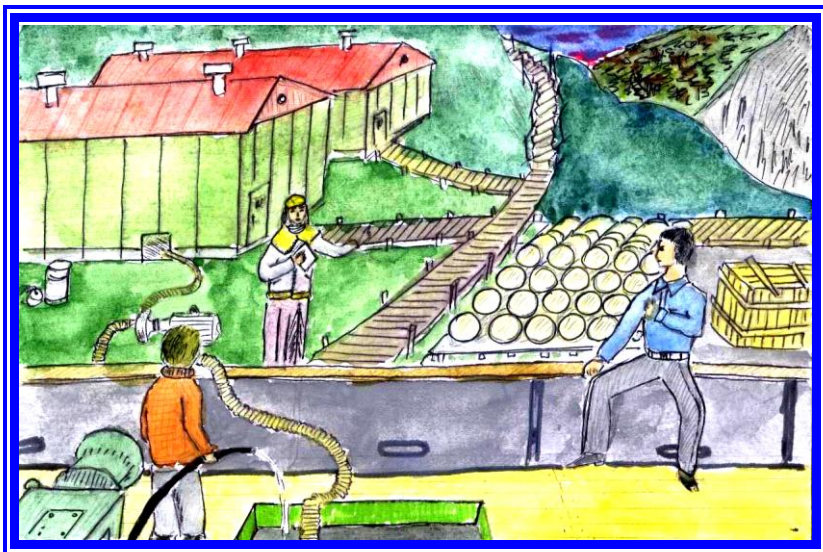
-Да вот... знакомое что-то чувствуется... я же видел тебя в Ростове!..

-Где?!.. - приоткрыла рот девчонка.

-Как где?.. На набережной, конечно, – безошибочно гнул Вовка. - Вы там с сестрой гуляли...

-И правда... Мы на набережной три раза или даже больше гуляли.... Только я что-то тебя не припомню...

-Так я же в форме был, а форма человека сильно изменяет.... А звать тебя Тоня, - вставил Вовка тут же подслушанное имя.

Теперь уже Тоня внимательно посмотрела на Вовку.

-Но ведь ты не Миша.... Тот был светлый, а ты тёмный, - вконец озадачилась девчонка.

-Во-первых, дело было вечером, а в темноте не очень-то разберёшь: кто светлый, а кто тёмный, именами мы тоже иногда разными назывались, – уловив сомнение в голосе юной приёмщицы, продолжал нести туфту опытный интриган Вовка.

До длинношеего Димки, наконец, что-то дошло и он, перегнувшись через высокий комингс в трюм, давился молчаливым хохотом.

-Мы же адресами обменялись, а ты так и ни разу не написал за целый год, а я тебе целых три письма отправила сразу после приезда...

Вовка тоже давно понял, что пора остановиться, но его несло.

-Адрес я потерял, - сморозил он, забыв, что на конвертах пишут обратный адрес. – Дай-ка мне его по новой...

Вовка спрыгнул с планширя на деревянный настил причала, вырвал листок из тетради Тони.

-Пиши адрес...

-Да нет у меня никакого адреса. Просто: Порт – Владимир, Мироновой Тоне...

Откачка рыбы и зачистка трюма продолжалась ещё целый час, в конце которой стармех позвал Вовку в машину.

-А ты всё-таки наболтал.... Но письма я ждать буду, - улыбнулась на прощание симпатичная девушка Тоня из северного Порт-Владимира.

Дельфины

Очередную сдачу продукции предстояло сделать в Печенгской губе на одном из прибрежных рыбозаводов, и сейнер ходко шёл по выбранному курсу. До ворот в Печенгу оставалось совсем немного, когда у Вовки, сидевшего на неводной площадке вместе с Димкой Перебоевым, чуть не вылезли глаза из орбит от невиданного изумления.

И было от чего: прямо за кормой, всего в нескольких метрах, вода вздыбилась большим, округлым холмом, который тут же разрушился и упал, а на поверхности оказалась рубка подводной лодки. Вовка никогда не думал, что такие махины могут всплывать столь стремительно - она выскочила из воды словно пробка.

Сейнер резко сбавил ход, а из подлодки высунулся моряк с мегафоном?

-Эй, на сейнере!.. Чего везёте?..

-Селёдку бочковую!.. – ответил тоже мегафоном Вовкин капитан.

-Дайте пару бочек!..

-Берите... только не дошла же ещё...

-Ничего... у нас дойдёт, если успеет...

От лодки сноровисто отошла небольшая резиновая лодочка, боцман Егорыч ловко спустил две туго набитые бочки.

-Может ещё?..

-Нет, спасибо... лодка не поднимет, - то ли пошутил, то ли правду сказал усатый мичман из лодки.

Через пяток минут подлодка в надводном положении пошла в свою сторону, а сейнер повернул к воротам в Пенченгскую губу. Вовке не нравилось округлое слов «губа» применительно к северному понятию этого слова. Он был уверен, что только «фьорд» - такое острое, твёрдое и шиповатое слово может горделиво стоять в названии каменисто-скалистого чуда, узко и глубоко врезавшегося в северный берег, зеркальную гладь воды которого не тревожит никакой, даже самый шальной ветерок. А губой можно называть какой-нибудь дугообразный залив без берегов где-нибудь под Бердянском или Мелитополем...

«Интересно было бы глянуть сверху, с самой высокой отвесной скалы на наш сейнер, - мечтал на палубе Вовка. - Он наверняка будет похож на водомерку в полупустой огородной бочке, правда, в скорости меньше стремительности...»

Бочковую селёдку сдали играючи. Вовку к этому делу не привлекали, и он в одиночку направился по песчаному возле посёлка берегу. Он никогда не упускал случая побродить по пустынным берегам, а возможностей этих здесь было не так уж и мало. Ему нравилось задираť голову на высокие скалы или бесшумно ступать, проваливаясь в плотный ярко-зелёный олений мох. Сейчас он шёл по узкой полоске песка между зеркалом воды и отвесной скалой. И вдруг за одним из скальных уступов Вовке открылась совсем рядом целая шеренга совершенно одинаковых боевых кораблей.

На фоне молчаливых скал они казались нарисованными, а почему так - Вовка понял чуть позже: странная, вязкая тишина окутывала эсминцы, на палубах царил абсолютный покой... На берегу возле кораблей стояла только небольшая будочка, но и возле неё не значилось никакого движения.

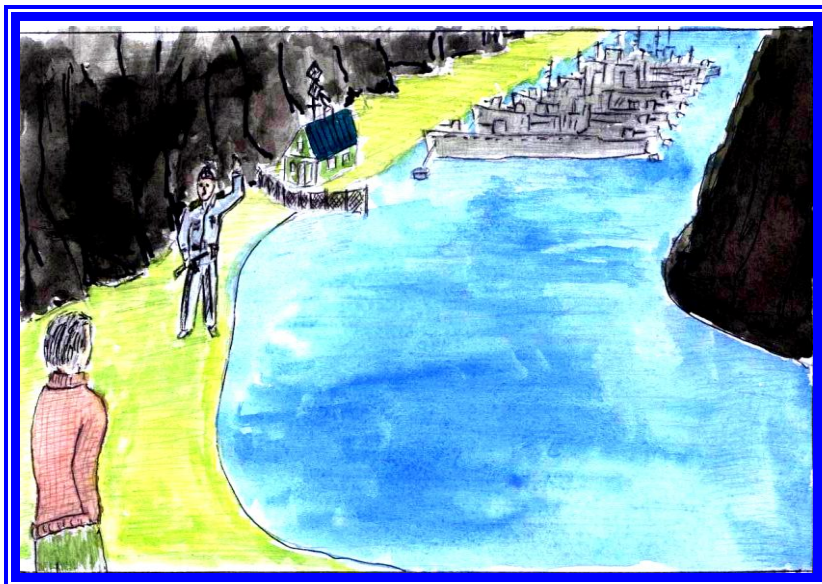
Вовка решил подойти поближе. Он намеренно оставался через каждый десяток метров, крутя головой по скалам, искоса наблюдая за странной стоянкой «летучих голландцев». Но, когда до кораблей осталось совсем немного, из будочки вдруг блеснул погонями молодой офицер, и молча запретно махнул руками в сторону Вовки, который немедленно остановился.

Из упрямства, смешанного с любопытством, Вовка постоял ещё пару минут, зевая на военных красавцев, а потом

также тихо направился в обратную сторону, спиной чувствуя настороженный взгляд одинокого охранника...

На сейнере ему растолковали, что корабли таким образом стоят во многих фьордах Кольского полуострова на консервации.

«Ну и силища же у нас на флоте, - задумывался Вовка. – В случае чего - мне наверняка придётся воевать на каком-нибудь таком корабле из консервации...»

Тем временем сейнер закидался пустыми бочками чуть не до клотика. Кроме трюма, бочки плотно теснились на палубе и даже в проходах между фальшбортом и рубкой с обеих сторон.

-Большой дефицит, - потирали руки довольные рыбамастера. - Бочковая селёдка – это вам не копеечная мойва в налив...

После такой удачной сдачи и затаривания, по устоявшейся традиции, состоялся небольшой праздник без особых приключений, и сейнер глухо забуркал между стенами фьорда к воротам. На вахте, как всегда в таких случаях, стоял Вовка, на мостике капитан с матросом. Предчувствуя долгую и скучную ходовую вахту, через первые полчаса Вовка наду-

мал быстренько проскочить в свой кубрик и позаимствовать у спящего, как и вся команда, Дюбченко одну из его подшивок «Огонька».

Его не смутило, что проход вдоль рубки был заставлен бочками, он пошёл прямо по ним, слегка опираясь ладонью о стенку рубки.... И вот тут нога его потеряла опору, поскользнувшись на чём-то, и Вовка молча оказался в воде...

Серошаровый борт сейнера с шипением пробежал мимо. Вовке открылась слегка качающаяся водная равнина. Вообще-то и берег просматривался далёкими тёмно-синими, острыми бугорками на горизонте, но Вовка сразу понял – не доплыть, ни за что не доплыть!.. Он начал кричать и тоже понял, что его вряд ли кто услышит... А сейнер уходил всё дальше и дальше....

Но по-настоящему испугаться Вовка так и не успел, Сейнер уже провинтил не меньше полсотни метров, как вдруг открылась дверь камбуза, и оттуда выгребся Васильич с утренней бадьёй, которую в другое время положено выбрасывать после ужина на ночь.

У Васильича и бадья за борт упала – он услышал Вовкины крики.

-Сто-о-о-ой!.. Сто-о-о-ой!.. – закричал сколько было сил теперь уже Васильич.

-Кому стой?! – выкинулся из правого иллюминатора рубки капитан.

-Там Вовка!.. Там наша практикант!.. Там человек за бортом!..

Вовка, который кинулся, было, вплавь догонять сейнер, понял, что его заметили, и расслабленно замотался на зыбучей волне.

Прошло ещё немало времени, как показалось Вовке. Капитан не стал расталкивать дружно спящих в своей маленькой каютке механиков, а кубарем слетел с мостика и сиганул на машину, попутно крича:

-Шлюпку спускайте!.. Будите механиков!..

Он сам сумел сделать реверс главному двигателю и сейнер, потеряв скорость, попятился назад. К этому времени Егорыч и стоявший на руле Лёшка Грибанов сбросили с неводной площадки шлюпочку, запрыгнули в неё и стремительно понеслись к Вовке. От шлюпки до Вовки оставалось метров тридцать, как вдруг Лёшка, сидевший лицом вперёд и направлявший загребного боцмана, привстал со своей банки и радостно завопил:

-Вовка!.. Дельфины!.. Смотри!.. Дельфины!..

Вовка винтом развернулся в воде – недалеке, и в самом деле, резвилась стайка дельфинов...

-Вовка!.. Рядом!.. Рядом!..

Вовка ещё раз крутанул головой.... вот он!.. Стоит совсем рядом и весело улыбается.... Сама по себе улыбка – это хорошо, но когда такую улыбку украшают ряды острых, пилообразных зубов – становиться не по себе. Вот и Вовка сначала замер и даже чуть не скрылся с головой в воде, но тут же исправился и продолжал балансировать, помогая себе руками и ногами, не отрывая глаз от дельфина. Дельфин тоже продолжал стоять на месте, еле заметно пошевеливая плавниками и хвостом.

Он и сам не заметил, как его рука потянулась к продолжавшему улыбаться дельфину, тот в ответ чуть быстрее зашевелил плавниками, а потом, видно поняв, что его помощь здесь не требуется, круто развернулся на месте и, не спеша, ушёл к своей стае, которая так и куролесила вокруг тревожного места...

На сейнере Вовку ждала вся команда, поднятая по тревоге.

-Тапки потерял... тапки, которые мне второй дал, - промямлил он, когда его мешком за руки подняли на борт.

-Дайте ему стакан водки и пусть поспит как следует, - распорядился капитан. – И накидайте побольше одеял...

Сколько мертвецки спал Вовка, он не помнил... но проснулся сам.

-И как же это ты умудрился упасть за борт, будучи на вахте в машине? – не в бровь, а в глаз спрашивал его капитан один на один в своей каюте, когда Вовка проспался.

-Журналы хотел посмотреть и на какой-то бочке поскользнулся...

Капитан хмуро уставился в иллюминатор.

-Если бы не Васильич, доедали бы уже тебя рыбы на дне морском, читака.... Ты ведь не в своём Ростове на набережной... ты в море. А здесь кругом глаз да глаз...

Вовка тоже хмуро молчал.

-А знаешь, сколько мне теперь объяснительных писать придётся?.. И стармеху и даже боцману? А пока садись-ка вот сюда и пиши сам...

Капитан вышел из каюты. Было слышно, как он поднялся по трапу в рулевую рубку. Объяснительную Вовка писал недолго: «Шёл, поскользнулся, упал за борт, спасли...». В общем, почти как у Никулина в кино.

Капитан прочитал, хмыкнул: «Юморист...», и показал стармеху, вошедшему вместе с ним.

-Повезло тебе... хорошо, что Гольфстрим тёплый совсем рядом, а то бы и трёх минут не продержался...

В кубрике, куда Вовка спустился после неласкового разговора с капитаном и стармехом, его тоже не поздравили с водным морским крещением, а всё свелось к всеобщему желанию:

-В море особенно-то по сторонам зевать нечего... немало лихих ребят нашли себе утешение по собственной дурости.... Так что имей в виду – собрался в море работать, значит надо работать...

Только Дюбченко немного урезонил бывалых воспитателей:

-Ладно вам... у него и без вас уже кошки скребут и поджилки до сих пор трясутся....

Вовка молча, и благодарно глянул на своего заступника и спустился в машину, где сменил Губанова, отстоявшего две вахты подряд. Через минуту в машину спустился Евгений Иванович.

-Распишись-ка и за прошлую вахту. С капитаном решили, что про твой заплыв совсем необязательно кому-то знать, кроме нашего экипажа...

Один только судовой кок Васильич с полным на то основанием, чувствовал себя героем дня до самого конца рейса. Кому, как ни ему Вовка был обязан своим вторым рождением. И многие годы после Мурманской практики они переписывались, но встретиться им так и не пришлось – слишком далека Камчатка от Кольского полуострова...

Из заполярной Печенги РС-1012 взял обратный курс в район острова Кильдина. Это опять в сторону Кольского залива с Мурманском в глубине. Курс удалось взять не сразу, так как пограничники, усмотрев, что команда вповалку, кроме капитана, стармеха и Вовки, не давали «добро» на выход. Капитан в сторонке долго убеждал старшего пограничника, но сержант сдался только после того, как из носового тамбура показался сдвинуто только трезвый Дюбченко.

Посчитав, что состав команды для нормального движения судна обеспечен, сержант в отчаянии черкнул что-то в бумажке, подsunутой ему капитаном. Вовка, чуть раньше стармеха, скатился в машину, дернул главный двигатель, и через несколько минут успокоившийся телеграф показал, что сейнер идёт полным ходом.

Стармех озабоченно походил вдоль главного двигателя ещё с пяток минут и кивнул Вовке – командуй!.. Вовка уже привычно заполнил журнальные строчки, прошёлся с маслёнкой по всем двигателям, а потом продолжил выпиливать мелкими надфилями из яркой нержавейки крест Святого Георгия, которым намеревался наградить самого себя после окончания своего первого рейса.

За работой время шло быстрее, и первые четыре часа прошли совсем скоро. Вовка в душе, было, настроился снова на длинную вахту, но вторые четыре часа ему стоять не пришлось. Сверху райской музыкой заскрежетала дверь, и по трапу спустился полусонный и хмурый Гриша – второй. Он молча приветствовал Вовку, который немедля расписался в журнале, и испарился, материализовавшись уже в своём кубрике.

«Спасибо стармеху, - укладывался Вовка, - растолкал таки второго...»

Соседние койки перекликались свистом, мычанием и храпом кайфующих моряков...

Остров Кильдин

О том, что существует такой остров, Вовка знать не знал до того, как попал на сейнер РС-1012. Впервые он услышал это название незадолго после того как отстоял первую ходовую вахту в машине, которая длилась почти двенадцать часов. Тогда в кают-компании боцман Мордашёв со знанием дела говорил о том, что нечего было соваться «не в ту сторону», а надо было идти к острову Кильдин, где испокон веков ловили не копеечную мойву, а настоящую атлантическую селёдку и метровую треску.

Кто-то с ним спорил, а кто-то поддерживал. Но такие разговоры в кают-компании во время перехода и кратких перерывов между авралами были также обыденны как серый цвет штанов пожарника.

Вовке тогда было до лампочки - куда идёт сейнер и что он задумал промышлять – главное, что он на судне, и что началась его действительная рабочая практика, и с выходом из Мурманска пошёл счёт его плавцензу,^{*} размер которого рано или поздно повлияет на его становление настоящим судовым механиком.

Вот и состоялось плавание, Вовка побывал с командой сейнера и в Сайда-губе, и в Порт-Владимире и возле многих других безымянных (возможно, только для Вовки) островов и полуостровов. Нередко вокруг сейнера и вовсе не было не только островов, но даже и просто голубой полоски земли на круговую дальнем горизонте.

-К острову Кильдин идём, - незадолго после порт-Владимира выдал производственную тайну радист Коля Янкин своему партнёру по шахматам и прочим досуговым делам.

Вовка вспомнил слова боцмана из недавних застольных разговоров:

- Это где селёдку и треску атлантическую ловят?..

-Ловили когда-то... может, и мы что-нибудь поймаем, - пожал плечами Коля. – Не будем раньше времени загадывать...

^{*} Плавценз – для того чтобы стать механиком, необходимо было 12 месяцев (365 суток) чистого плавания в должности моториста

-А что ты ещё знаешь об этом острове?

-Остров вообще-то интересный... там поморы когда-то всякого морского зверя промышляли, там, говорят, свои всякие красоты...

-Самому не приходилось?..

-Нет пока... я ведь тоже первый год в море – сам знаешь... говорят, там сейчас сплошь военные базы, укрепления всякие...

Коля и в самом деле ещё при первом знакомстве сказал, что он закончил радиотехническое отделение Мурманской мореходки. А Вовка подумал, что, если там кругом «военщина», то вряд ли удастся сойти на берег и вдоволь побродить по одному из северных островов. Коля где-то раскопал лоцию и Вовка в подробностях (но только тех, что допускала военная цензура) ознакомился с картой острова.

Остров стоял слева у самого входа в Кольскую губу и был растянут ровно с запада на восток. Вовка сразу прикинул, что в нём всего-то чуть больше 15 километров длины и около 7 километров «толщины».

«За день вдоль и поперёк можно обойти...». Но пока промолчал.

-Штурман Петя сказал, что сюда сначала зайдём, - ткнул пальцем Коля в небольшие квадратики, обозначавшие строения. – А это бухта Могильная.

Вовка и сам уже прочитал название бухты и одноимённого мыса.

-Что это за странное название? Не могли придумать что-нибудь веселее...

-Это у вас на юге кругом Ялты и Сочи с оранжереями, а здесь проза жизни. Скорее всего, там есть какая-то могила или когда-то была... вот и пошло.

Ребята не заметили, когда в иллюминаторе радиорубки появился гористый берег с одной стороны и плоский сверху другой. До каждого из них было километра по три.

-В пролив зашли...

Ребята высочили на палубу. Но Коля встал недалеко от своего открытого иллюминатора – надо было слушать эфир. Вроде бы и насмотрелся Вовка чудес в этом году, начиная с самого черноморского юга, а потом и Сайда-губа и Порт-Владимир и сам Мурманск чего стоят!..

И всё же опять и снова захватывает дух. Где-то в солнечном сплетении зарождается неопикуемый восторг и вот он уже стремится вверх ровно по позвоночнику, заполняет все

клеточки мозга, а потом и всё тело тонко зазвенело в унисон величественной тишине.

По поливу навстречу шёл большой траулер. Он поприветствовал Вовкин сейнер отмашкой* с правого борта. Сейнер ответил. По глубокой осадке Вовка прикинул, что траулер заловился в полные трюма.

-На сдачу пошёл, - подтвердил и Коля Вовкины сообщения.

-Бухта Могильная! – крикнул сверху штурман Петя. – будем швартоваться к свайному причалу...

Вовка сразу обратил внимание, что на мысе Могильном совсем не похожие на военные бункеры и орудийные башни деревянные домишки с заборами вокруг. Мало того, на лежащей вверх дном лодке лепилась стайка детворы. Но они не обращали никакого внимания на подошедший сейнер – эка невидаль!..

-А говоришь - сплошные базы...

-Стало быть, информация не совсем соответствует реальности, - отозвался Коля. – Значит, и на берег можно будет сойти.

-А как же твой эфир?

-Вахтенный штурман послушает, ему из рубки всё слышно...

-А я, может, тоже хочу прогуляться, - перегнулся через верхние леера штурман Петя. – Так что...

...На палубе уже давно торчат боцман Мордашёв и матрос Лёшка Грибанов. Капитан принимает решение швартоваться правым бортом, борт сейнера малым ходом идёт строго параллельно причалу, на толстых плахах которого висят причальные кранцы в основном из старых грузовых покрышек. На причале тоже ждёт береговой матрос, который ловко принимает выброску, подтягивает швартов и набрасывает его на косо торчащую деревянную тумбу.

С кормы тоже проделана швартовка, и сейнер успокоился, остановив главный двигатель. Где-то под палубой остался звонко, но не громко тарахтеть вспомогательный движок типа «Ч».

Первым на причал ступил капитан. На берегу его встречал молодой офицер.

* Отмашка - световой сигнал о способе расхождения судов

-Это брат нашего капитана, - пояснил Вовке всезнающий радист Коля Янкин. – Давно не виделись... вот и нам подфартило на Кильдин попасть.

-Свободные от вахт могут прогуляться, - повернулся капитан в сторону ребят. – Только без всякой ненужной самодетельности...

Было бы сказано. Вовка с Колей сбежали с причала на землю ещё раньше капитана, который пока обменивался приветствиями с братом.

Направо или налево? Давай налево...

Ребята прошли по посёлку, состоящему всего-то из десятка полтора домиков разной длины и ширины, и пошли вдоль берега бухты. Вовка сразу обратил внимание на ярко горящую бескрайнюю поляну.

-Ух, ты! – обаддело вытянул шею Коля. – Надо же столько цветов в одном месте... интересно – что это?..

Вовка тоже не очень-то разбирался в растениях, но этот цветок хорошо знала его мать, которая всегда готовила из него какие-то целебные отвары и поила ими всех от мала до велика от всех болезней.

Иван-чай!.. Это был именно он.

«Да как же этот цветок добрался на самый крайний север из наших краёв?.. А, может, наоборот, отсюда на Волгу спустился... э-эх, вот бы мать сейчас сюда – на всю Овражную наварила бы настойки...»

Но когда Вовка чуть отвлёкся от цветочного чуда, то обратил внимание, что стоит он на... булыжной мостовой, вдоль которой и тянулась плантация иван-чая. Что-то типа той, что плохо пряталась под тонким асфальтом на ростовской улице Обороны, где стоял и стоит их славный экипаж №2.

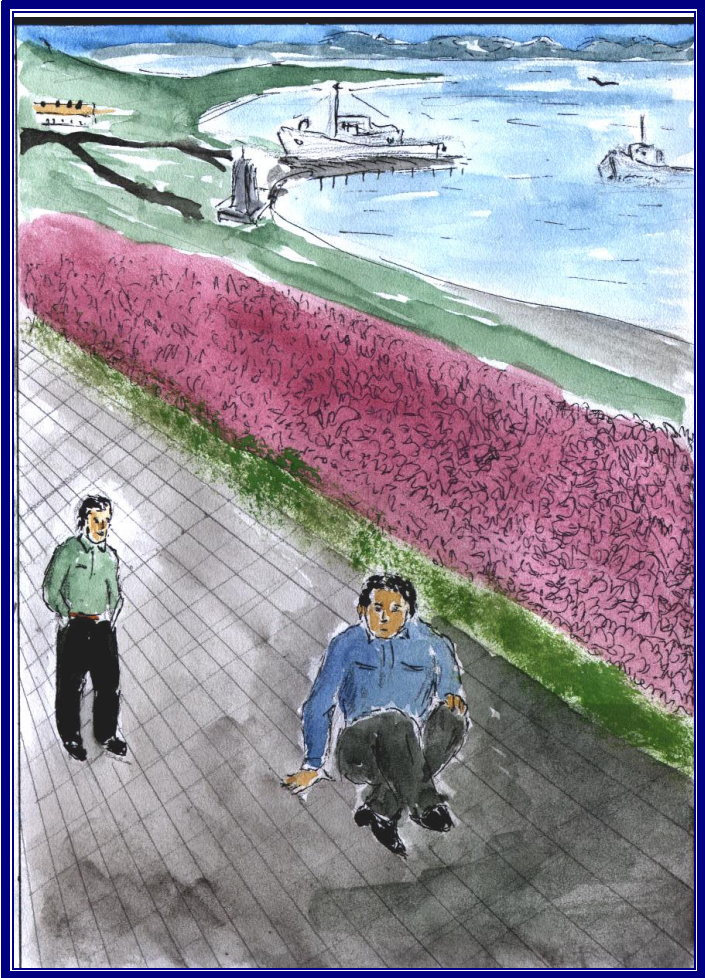
-Прямо жуть какая-то!.. Откуда здесь булыжная мостовая?!..

-Может, с неба упала? - озадачился и Коля. – Или древние племена построили...

-Скажешь тоже... древние племена и без дороги быстро бегали за нерпами и тюленями...

-Ты знаешь – я недавно в журнале картину видел – «Аппиева дорога» называется. Так эта дорога такими же камнями и булыжниками выложена... а вдоль дороги на крестах рабы Спартака распяты...

-Может, ты считаешь, что сюда римляне прибыли, чтобы тут дорогу построить?..

-А что, - тянул волынку Коля, – ведь Англию они почти всю завоевали, может и впрямь через Норвегию сюда вышли...

-Ну, и нафига им тут булыжная мостовая?.. Повесить кого или на кресте распять и без дороги можно...

Пока ребята пререкались таким образом, булыжная мостовая резко кончилась.

-Хорошего помаленьку...

Но вряд ли хороша была для пеших прогулок эта замечательная дорога. По такому булыжнику только на танках в догонялки играть.

Ночью Вовке снился сон, что он сломя голову едет на римской колеснице по дороге острова Кильдин сплошь из золотых плиток, а вдоль дороги мёртвые с косами стоят из фильма про «Неуловимых мстителей...»

Но про страшный сон - это потом, а пока ребята сошли с булыжника и сразу уперлись в берег небольшой речки, которая впадала в бухту. Ещё на борту сейнера Вовка прикинул, что, в случае схода на берег, он обязательно должен хотя бы окунуться в здешнюю воду. Но о своих планах Коле пока не говорил. После встречи с иван-чаем он быстро определился, что глубина в бухте небольшая, и что здесь нет той едва ли не отвесной глубины, какая местами была на солнечных пляжах Сочи и Ялты.

-А я всё же искупаюсь! – громко решился Вовка на фоне безмятежной красоты. – Хотя бы символически. Знаешь, как интересно потом вспоминать, что тебя угораздило искупаться чуть ли не во всех морях и океанах...

Но Коля составить компанию не согласился.

-Так ведь вода же холодная... это тебе не твой юг с Чёрным морем...

- Да какой там юг!.. Я вообще-то с Поволжья и ещё в детстве купался в бане со снегом в придачу, - сбросил на ходу штаны Вовка. – Градусов 10 с плюсом всё равно есть...

Вовка смело сделал первые шаги. Под ногами крупная и мелкая пляжная галька, которой много и на Черноморских пляжах. Вовка знал, что долго по холодной воде идти не следует и плюхнулся животом, едва только вода поднялась выше колен. Он чуть проплыл, царапая пальцами по донной гальке, потом поднялся и теперь уже, привыкнув к холоду, спокойно дошёл до глубины.

Вовка уверенно сделал небольшой круг и вернулся к мелкому месту.

«Хорош на первый раз, - решил он. – А то как бы судороги не вышло...»

...Вовка уже почти вышел на берег, как вдруг почувствовал, что наступил на что-то острое. Он машинально опустил руку в воду, схватился за шиповатую «деревяшку» и дёрнул её из воды.

Такого жуткого страха помноженного на не менее сильное омерзение Вовка давно не испытывал. Он выдернул из воды... громадного паука!.. Паук был грязно-красного цвета и махал всеми своими ужасно голыми блестящими лапами-щупальцами в сторону Вовки.

-Ай!.. – по-бабьи тонко вскрикнул Вовка и, бросив паука от себя подальше, бегом устремился к спасительному берегу...

Пока он бежал, ему казалось, что под ногами сплошные пауки, что он слышит хруст сломанных щупальцев, ногами чувствует их мерзкие щипки и покусывания. Но вот и спасительный берег, а там... чуть не катается спиной и брюхом по траве Коля Янкин.

-Ой, уморил!.. Ну и донской казак с Поволжья!..

-Чего развопился? – никак не мог успокоиться и отдышаться Вовка. – Не видел что ли?..

-Как не видел! – захлёбывался Коля. – Это же краб... обычный краб. Никогда не видел что ли?..

Вовка тупо смотрел то на Колю, то крутил головой в ту сторону, откуда только что выскочил.

-Краб... это и есть краб?..

-А что же, по-твоему?.. Космический пришелец из фильма ужасов?..

Вовка молчал. Ему было немного не по себе, что он так сильно испугался обыкновенного краба, который, правда, в размахе клешней был едва ли не целый метр. Вовка вспомнил, что именно таким пауком-крабом напугал его Генка в далёком детстве. Но тогда Вовка был совсем маленьким, а «краб» был всего-навсего нарисованный, а этот «живее всех живых».

Коля тоже успокоился.

-Скажу ребятам, чтобы с куском от невода прошли здесь, может, натралят к ужину...

Вовка уже отогрелся после купания, волнение прошло. Он вспомнил всегдашнее своё правило - о том, что неплохо бы осмотреться.

-Пошли-ка чуть повыше...

Осмотреться и впрямь стоило. Даже чуть раньше. Но на самый верх сопки подниматься не стали. И как они не заметили небольшое округлое озерцо сразу за посёлком. Даже отсюда было видно, что на берегу сидят и стоят самые настоящие рыбачки.

-Айда туда! – почему-то обрадовался Вовка.

Уже на скорости проскочили по бульжнику, и снова прошли через тихий рыбацкий посёлок, почти сразу за которым выглядывало необычно ярко-синее озеро, отгороженное от бухты Могильной тонким перешейком со столбами непонятного назначения.

Сразу к рыбачкам, хотя сам Вовка не очень-то любил, когда к нему подходили праздные зеваки. Правда, рыбачил Вовка давно и не в тех местах, где встречаются эти самые «праздные зеваки».

Но рыбак, а это был явно морячок из мичманов, о чём говорили погоны на плечах и военная мичманка сам с не меньшим удивлением смотрел на ребят.

-С сейнера что ли?..

-С него...

-Как рыбалка? – задал Вовка главный вопрос для любого рыбака.

-Клюёт помаленьку...

Рыбак едва успел ответить – его поплавок ушёл сразу вглубь, и очень скоро на берегу в куче других уже вихлялась полуметровая рыбина, похожая на треску.

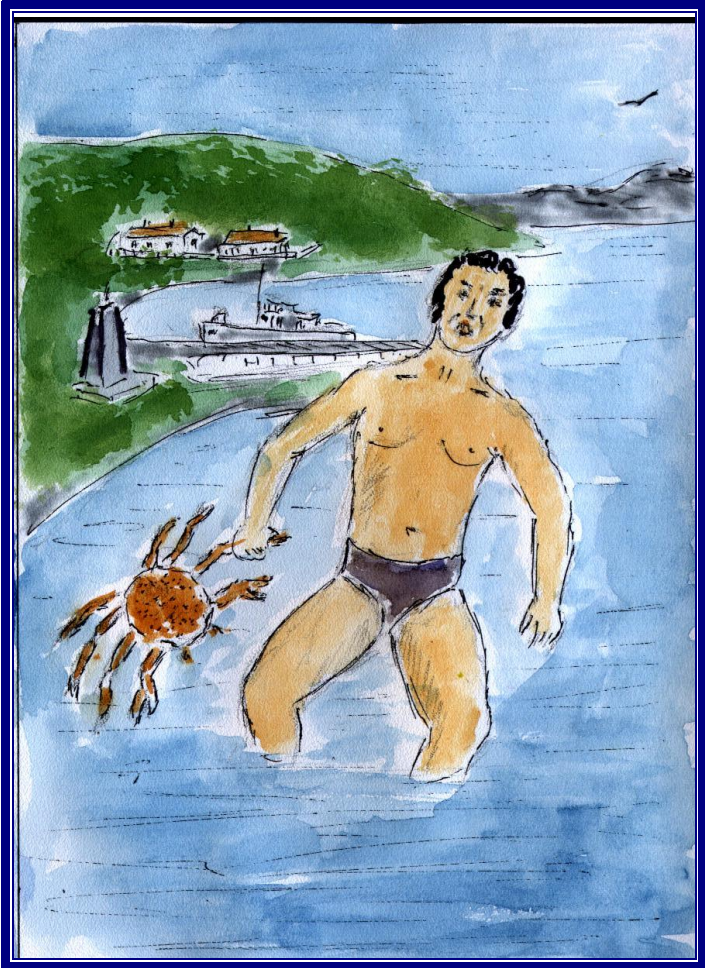
-Треска и есть – подтвердил мичман.

-Как это – в озере и вдруг треска? - сильно удивился Вовка, - как она сюда попала?..

-Долго рассказывать, - пожал плечами мичман. - Это специальное озеро для трески. Здесь вода слоями - сначала пресная, ниже солёная, потом опять пресная и так далее до самого дна...

Вовка не очень-то поверил, что солёная и пресная вода может спокойно существовать в «одном стакане».

-И в какой же воде треска водится – в пресной или в солёной? – с подвохом спросил он.

-Где же ей быть, как не в солёной, - спокойно отвечал мичман. – Надо только правильную глубину поставить...*

Вовка заметил чуть поодаль рыбацкие пожитки мичмана, среди которых в брезентовом чехле угадывалось разборное удилище.

-Что, попробовать хочешь, - уловил мичман взгляд Вовки.

-Если можно, - быстро согласился Вовка.

Коля нарочито равнодушно уселся на мягкую травку.

Познакомились. Мичман назвал себя Виктором. Оказался он откуда-то из-под Мурманска, то есть здешних краёв.

-Виктор, мы тут странную булыжную дорогу видели. Ты ничего не можешь сказать?..

-От этой дороги у всех ум за разум заходит. Её у нас иногда золотой называют. Никто точно не знает, откуда она взялась. Кто говорит, что её ээки построили, а кто на нашего брата вояку валит...

-А может, её и вовсе пришельцы построили вместо стартовой площадки для своих ракет, - отозвался Коля на интересный разговор.

-И такая гипотеза существует, - согласился Виктор. И в самом деле, никто не может объяснить её назначение...

-Да... ваш Кильдин настоящий чудо-остров. Куда там до него пушкинскому Буяну...

-Так и есть, - засмеялся Виктор. – У нас и это название в ходу...

Тем временем Вовка тоже с лёгкостью вытащил пару тресочек. Виктор засобирался.

-Хватит разбавить сегодняшний ужин на всю батарею. Лишнего нам не надо.

Вовке жаль было расставаться с таким знающим парнем.

-А тут у вас и правда нельзя просто так ходить?..

-Почему нельзя?.. Ходи где хочешь, только в запретные зоны не залезай...

-Показал бы нам что-нибудь ещё, - обнаглел Вовка, как это иногда бывает с ним в решающие минуты.

-Пошли со мной, - легко согласился мичман. – Тем более тут по пути кое-что есть. Разве что небольшой кружок придётся сделать...

* На самом деле в реликтовом озере Могильном (единственное в России) пресная вода только в верхнем слое, солёность увеличивается с глубиной.

-А как насчёт военной тайны? – не преминул спросить радист Коля, который тоже где-то давал подписку о неразглашении.

-Да какая тут тайна. Все эти тайны, кому надо давно известны. Так же, как и мы их военные секреты знаем...

Тем временем вышли ещё к какому-то мысу.

-Вон внизу видите избы стоят... - махнул Виктор вниз. – Точнее не избы, а самые настоящие каменные дома доисторических людей...

-Это уж лишка, - засомневался Вовка. – Какие там каменные дома у доисторических людей. Если это и в самом деле так, тогда и с «золотой» дорогой становится ясно - одних рук дело...

Но почти ровные прямоугольники у самого берега не вызывали сомнения об их искусственном происхождении. И всё же это оказалось не так, когда к очередному кильдинскому чуду подошли едва ли не вплотную.

-Вот вам и дома! – задрал голову Коля в сторону самого большого каменного куба.

Куб, правда, был сильно источен то ли ветрами, то ли волнами. А скорее всего и тем и другим.

-Это Сундуки, - опять смеётся Виктор. – Наши знаменитые Сундуки...

-А что в сундуках? - смеётся и Вовка. – Уж не клады ли викинги* спрятали?..

-Вот изобретут люди мощные рентгены, тогда и посмотрим. А разрушать всё же жалко...

Вовка не был бы самим собой, если не смог забраться на самый большой сундук, перебирая по щелям и выступам на рёбрах или стенках сундука.

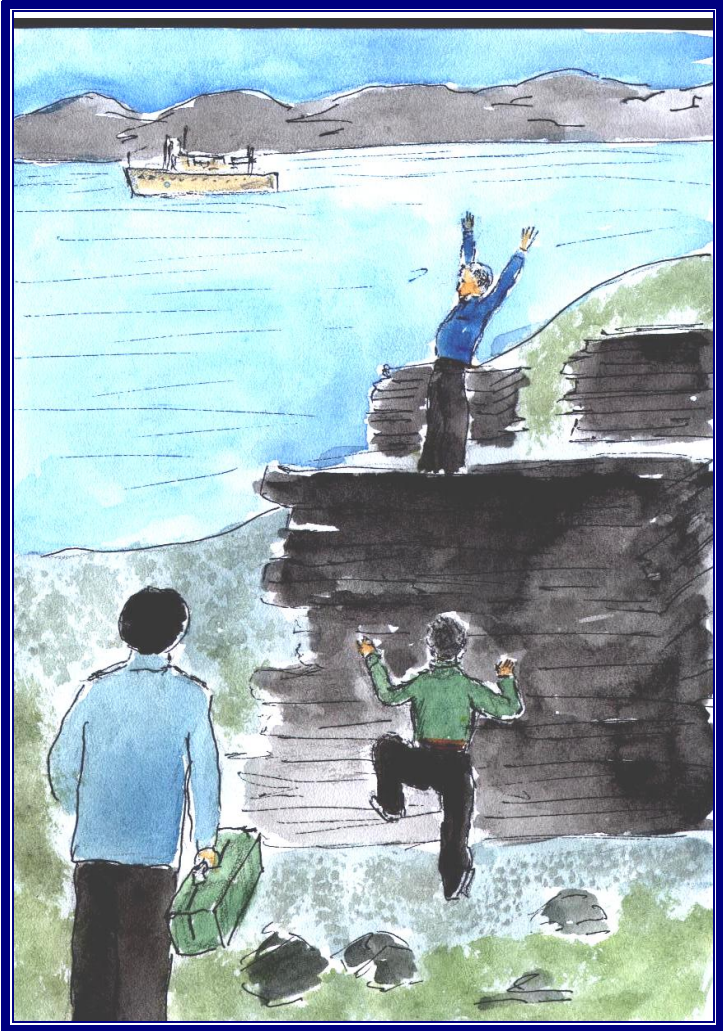
Высота конечно, не до того чтобы дух захватывало, но прямо перед сундуком Кидьдинский пролив, по которому неторопливо шёл большой лайнер, а скорее всего плавбаза. Возможно, именно на эту плавбазу придётся сдавать очередные трюма рыбного улова и нашему сейнеру.

Коля тоже заскреб руками и ногами и таки смог встать рядом с Вовкой.

-Красота всё же северная природа!..

-А ты на юге-то бывал? - всё же решил Вовка заступиться за южные берега. – А то не зная броду...

* Викинги – воинственные северные мореплаватели X-XII- веков. Нападали и на Русь...

Коля признался, что на юге он и в самом деле не бывал, но вспомнил истину:

-Везде хорошо, где нас нет...

Почти рядом с Сундуками громоздилось и ещё одно чудо. Попавший в крушение корабль.

Судно полулежало на правом борту, зарывшись в прибрежный грунт.

-Таких чудес валяется почти по всему периметру острова, - докладывает Виктор. – Уж очень удобно Кильдин стоит, чтобы пройти мимо него, особенно в хороший шторм...

-Как же его так угораздило?.. – оглядывал Вовка некогда пересекавший морскую волну пароход непонятного назначения.

-А ты смотри - не такое уж оно ржавое, чтобы не залезть и не посмотреть – что там внутри, - разохотился и Коля в ответ на молчаливое изумление Вовки. – Где бы удобнее забраться?..

-Ясно, что это не «рыбак» - это «грузовик» - сделал, наконец, вывод Вовка. - Притом небольшой...

-Это балкер, - авторитетно заявил абориген острова Кильдин мичман Виктор. – Тут уж всё до болтика смотрено-пересмотрено. И, как ни странно, всякий раз можно хоть что-то найти...

И в самом деле - хоть и было видно, что судно потерпело катастрофу не более двух-трёх лет назад, сразу стало ясно, что его сверху донизу обкарнали возможно бывшие хозяева, а возможно и более поздние посетители вроде сегодняшних Вовки и радиста Коли.

-А где забраться я вам покажу, - продолжал принимать живое участие мичман с новичками. - Да и сам ещё разок посмотрю...

Виктор нашёл каким-то сварщиком вырезанный люк в совершенно пустой трюм, через него ребята и попали на верхнюю палубу, которая кособоко выскальзывала из-под ног в кожаных туфлях.

Вовка вспомнил сторожевик на Дону, который точно также лежал на берегу. И тогда и сейчас ему показалась нелепой судьба этих кораблей. Да, суда ходят или плавают по морям и океанам, бывает и тонут. И ему почему-то казалось, что судно на дне морском – это более логичное завершение жизненного пути, чем вот так лежать кособоко на берегу словно рыба, выброшенная волной...

Конечно, самое интересное надо искать в рулевой рубке. И здесь тоже вместо приборов теперь зияли только чёрные дыры. Везде свисали лохмотья из плетёных проводов, мелких труб и труб побольше.

Вовка всё-таки нашёл в рубке небольшую латунную табличку, на которой значилось слово «Vallok».

-Виктор, у тебя что-то типа отвёртки нет?..

-Типа отвёртки нет, а вот нож хороший есть.

-Не жалко если чуть притуплю? – смотрит Вовка настоящий штык-нож от автомата.

-Заточим, да и трудно его затупить.

Вовка выковырял табличку вместе с мелкими винтами. Получился неплохой сувенир с острова Кильдин.

Скорее всего, это и было названием судна. Больше ничего путного на палубах и в трюмах ребята не нашли. Прямо скажем, не больно-то искали...

Дальше были Северный ручей в каньоне, что под стать знаменитым американским каньонам в Колорадо.

-А этот и вовсе интересный, - через короткое время подвёл Виктор к высокому, но не широкому водопаду. - Матросские слёзы называется...

-Это почему же матросские?.. – опять не согласен Вовка. - Моряки разве плачут?.. Вокруг них и без того всякой мокроты.

Мичман поскрёб в затылке.

-Думаю, что иногда всё же плачут.

Вовка не стал дальше продолжать разговор про слёзы. Он вспомнил изречение: «Не боль рождала во мне слёзы, а злость рождала во мне их...»

Особенно, если эта злость сопряжена с бессилием, с невозможностью добиться своей цели...

Но вот, наконец, и то, о чём говорил Коля ещё на сейнере. Это были явно орудийные стволы. Вовка даже инстинктивно приостановился, вспомнив автоматчика возле одинокой будки в заливе с целой эскадрой миноносцев.

-Зона ваша начинается?..

-Да нет пока... это орудие ещё времён Отечественной войны. Так что вполне можем подойти поближе...

Спаренное крупнокалиберное орудие было совершенно не повреждённым. По крайней мере, снаружи. Вовка знал, что под такими орудиями целые этажи боевого обеспечения. Но вход внутрь был хорошо заварен возможно тем же самым сварщиком, который распорол стальное чрево «Баллока».

Но и просто снаружи орудие притягивало взор своей мощью.

-Калибр что-то около 200 миллиметров, - на глазок прикинул Вовка.

-180, - подправил Виктор, – и вот такая махина так и ни разу не выстрелила.

-Как это?! – хором чуть не возопили сейнерские.

-Да вот так... чтобы стрельнуть из такой пушки, надо было разрешение из самой Москвы получить, а его так и не поступило.

-А как же война в этих краях?..

-В этих краях её как раз и не было. Немцы так и не решились атаковать Кильдин - один вид этих орудий их напугал до смерти...

-Можно подумать, у немцев таких орудий не было. А Ленинград они из чего обстреливали?..

-То Ленинград, а это Мурманск! – гордо закончил Виктор разговор о прошедшей войне.

-А вот и наша батарея, точнее не батареи, а наши экипажи, - наконец, возвестил мичман Виктор. – Здесь нам придётся разойтись... налево посёлок Верхний Кильдин, чуть ниже Кильдин Западный...

А Вовка разинул глаза на «свои» бараки. Ну, точно в таких когда-то он и его друзья жили на улице Донской!.. Мало того, чуть особняком возвышался «Космос». Именно так назывался новый кинотеатр в Зеленогорске.

-А это что у вас? – кивнул Вовка в сторону «Космоса».

-Дом Культуры...

-Не слишком ли жирно для вашей батареи?

-Сюда со всего острова наведываются. Тут всякие дела проворачивают, не только кино.

Вовка обошёл Дом Культуры.

-Вот ведь до чего дошла унификация... - удивлялся он.
– Там город, а здесь военно-морская часть...

Кинотеатр «Космос» стал последним объектом исследования на острове Кильдин. По правде говоря, Вовка уже устал, да и Коля явно заскучал.

-Мы, пожалуй, назад двинем, а то слишком много для одного дня...

-Дорогу найдёте...

-Найдём...

О, море...

Остался за кормой остров Кильдин, остались в памяти множество самых разных впечатлений. Вовка очередной раз сдав вахту Грише-второму, после обеда с крабами, которых таки наловили матросы им известными способами, материализовался в своём кубрике.

Задёрнув шторы и включив индивидуальный ночничок, Вовка углубился в письма. Он не ленился их писать, его даже тянуло к этому. И он писал своим друзьям и всем родным. При этом все письма его были о разном, каждому он писал о чем-то другом, и его зеленогорские друзья, получив письма иногда в один день, читали их по очереди, каждый по своему заvidуя Вовкиной романтике.

Но больше всего ему нравилось сочинять письма девчонкам. Вот где он давал волю своей фантазии!.. Разве что не писал о пиратах с абордажными схватками, но, с другой стороны, разве не схватка на абордаж швартовка сейнера в шестибалльный шторм к плавбазе?.. И разве не летучие голландцы стоят во многих северных фьордах, с которыми Вовка встретился совсем недавно.... А необитаемые острова, россыпи которых там и сям торчат вдоль побережья. На многие из этих островов Вовка частенько в одиночку выбирался на шлюпке, если сейнер рядом становился на якорь, чтобы выполнить очередную авральную работёнку?..

И разве не может быть простой дружеской переписки, если они всего-то пару раз поцеловались?..

Тем более, что в центре всех его писем была ростовская Надя. Скоро уже три месяца, как они не встречались, Вовка даже точно не знает, где она проходит сейчас свою библиотечную практику, но пишет и пишет...

«Приду в порт, отправлю в Батайск её брату, а он-то знает её адрес, ведь Надюха сама об этом говорила...»

Чуть ли не еженедельно сейнер заходил то в Сайдагубу, то в Печенгу, где Вовка загружал своими письмами первый попавшийся почтовый ящик. Но сам он за почти двухмесячное плавание так ничего и не получил. Зато он был уверен, что на Мурманской главпочте его тоже ждут множество посланий с самыми разными обратными адресами.

Никогда и никому Вовка не писал только о том, что значительная часть его романтики состоит пока из серенького, маленького сейнера, тесного кубрика, в котором во всех углах громоздились огромные рыбацкие бахилы портянками

наверх. Мало романтики было и в иногда трезвых или пьяных товарищах по команде, в изнурительном труде на рыбных подвахтах, в глухом бормотании главного и стрёкоте вспомогательного двигателей на одиночных вахтах в машинном отделении...

Он писал о красоте севера, о городе Мурманске, Порт-Владимире с оленеводами, про остров Кильдин – непотопляемый крейсер, о трудяге – сейнере, о капитане–морском волке, стармехе–аристократе, и просто о рыбаках–мастерах и матросах.

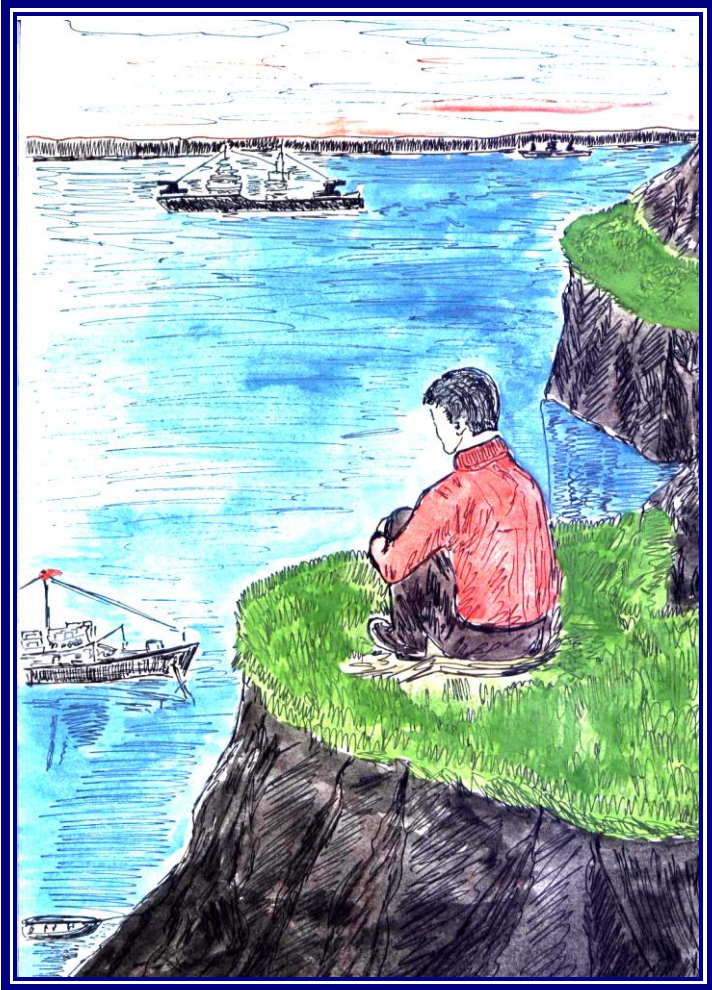
Не писал только Вовка ничего о водке. Нет, он не осуждал поддатых моряков, их равнодушие ко всякого рода застольям, сопровождающимся лишь молотью о рыбе, начальстве, берегу, об уважении друг к другу, а потом, бывало, и наоборот. Он уже понимал, что водка – это одна из немногих отдушин в томительном однообразии рейсовых дней, которые наматывают иногда многие месяцы...

Сон и работа, работа и сон делают человека придатком судовых машин, лишая его каких-либо интересов, кроме, разве что, забвения такого же бесконечного, как сам рейс, «козла». Судовая фильмотека смотрена – пересмотрена, доходит до того, что некоторые, особенно популярные ленты, настолько всаживаются в облегченные после береговых забот мозги моряков, что вся команда от матроса до капитана так и сыплет впопад и невпопад словечками и выраженьицами из этих фильмов, вновь и вновь покатываясь со смеху.

Но скажи какому-либо моряку, только что пришедшему из дальнего рейса, что есть возможность завтра махнуть на сейнере или траулере в ближнюю, а лучше в дальнюю Атлантику – редко кто станет долго раздумывать. Наплетёт домашним кучу придуманных и не придуманных обстоятельств, из которых всем вокруг станет ясно, что предстоящий рейс будет самым значительным и самым главным в жизни, что этот рейс решит много проблем, что, наконец, это последний, ну самый, самый последний раз...

А почему все это происходит – никто из них толком объяснить не сумеет, да и нет этому какого-то определённого объяснения...

И Вовка тоже иногда думал, что море совсем не то, что грезилось ему в мореходке. Оно действительно отличалось от гриновской мечты, по крайней мере, на Вовкином сейнере. Здесь он иногда, особенно во время затяжных вахт, проклинал в душе и море, и сейнер, и даже своих новых товарищей–

забулдыг, один из которых уже в который раз не в состоянии сменить его вовремя...

Старший брат Вовки учился в нефтяном институте, и он всерьёз думал, что мореходку окончить надо, а потом подавать в институт, чтобы жить и работать на твёрдой земле рядом с братьями, родителями и друзьями детства...

Как ни странно, некоторые Вовкины друзья ещё в мореходке рассуждали примерно также. А многие, как и Вовка, уже в первом рейсе начинают думать об этом же.

Но большинство сами не замечают, как попадают во власть морского притяжения, как всё сильнее и сильнее вырастает у них желание бросить берег с его мелочными хлопотами и снова удариться в штиль и в шторм, откуда пришёл всего только позавчера...

После окончания мореходки Вовка ещё долгие годы работал в плавсоставе. Плавал на больших траулерах – рыбозаводах в Тихом океане по шесть и более месяцев. И совсем без берега. Он вспоминал свою рабочую практику, свои обиды на парней из Беломорского Гослова и казались они ему – эти обиды трогательно пустячными и смехотворными – вполне на уровне настоящего хрестоматийного салаги...